
18+
Анастасия Тихонова
Задыхаясь с тобой

Анастасия Тихонова

Задыхаясь с тобой

https://litres.ru/74835129
ISBN 9785007151917

Аннотация

В ту ночь всё изменилось. Кира даже не подозревала, что случайная поездка с загадочным незнакомцем перевернёт её мир с ног на голову.

Тёмно-синяя машина становится порталом в другую реальность — туда, где ночные дороги манят запретными обещаниями, а зелёные глаза водителя хранят тайны, от которых замирает сердце.

Она тонет в этом новом мире, где правила диктует он.

История о том, как одна встреча может изменить всё: мечты, страхи, саму суть существования.

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Первая встреча 6
Глава 2. Три дня 13
Глава 3. Любопытство 19
Глава 4. Руль 25
Глава 5. Аквариум 30
Глава 6. Барсетка 36
Глава 7. Две жизни 42
Глава 8. Двадцать два 46
Глава 9. Кино 52
Глава 10. Никто 57
Глава 11. До свидания, Костя Зверев 61
Глава 12. Пей осторожно 67
Глава 13. Падающая звезда 71
Глава 14. Горячий шоколад 77
Глава 15. 6:45 80
Глава 16. Мост 86
Глава 17. Чужие букеты 91
Глава 18. Не жди 96
Глава 19. Борис 104
Глава 20. Белка 108
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Задыхаясь с тобой

Анастасия Тихонова

Обложка создана при помощи нейросети Kandinski

© Анастасия Тихонова, 2026

ISBN 978-5-0071-5191-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Двери лифта закрываются, и последнее, что я вижу, — как сверкает зелень его глаз, так похожих на мои. Мне кажется, что я выплываю из глубин тёмного озера на поверхность, воздух врывается в лёгкие с болью, как будто я не дышала все эти тридцать секунд падения. Пальцы всё ещё покалывает от колючей шерсти его свитера под кожаной курткой. Между нами было ровно полшага. Полшага до катастрофы или спасения — я так и не поняла.

Глава 1. Первая встреча

Два года назад.

Ноябрь в городе пах не просто сыростью — он пах обречённостью. Мокрый асфальт, выхлопные газы, стылый воздух, в котором висела тяжесть надвигающейся зимы. Всё это сливалось в один густой, почти осязаемый запах — города, который давно перестал верить в чудеса.

Я ёжилась и вздрагивала, натягивая рукава свитера до самых пальцев. Почти десять вечера, фонари на остановке «Центральный рынок» мигали и гасли. Автобуса не было. И не будет ещё минут двадцать, если верить приложению, которое тоже могло врать. Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, пытаясь согреться и вглядываясь в даль.

Звук мотора разрезал тишину. Не визг маршрутки — низкий, утробный рокот. Из-за поворота выкатилась тёмно-синяя БМВ. Фары погасли. Стекло со стороны водителя опустилось.

Из тени салона на меня смотрели зелёные глаза. Тёмные, затягивающие. Усталые. И такие знакомые.

— Замёрзнешь, чудо. Садись, подвезу. Куда?

Голос мамы в голове кричал: «Беги». Но из приоткрытого окна тянуло теплом, а глаза не были страшными. В них не было той мутной похоти, которой пугают девочек. Только усталость и насмешка — он знал о мире что-то такое, чего

мне не понять.

— До Ленинского? — прошептала я неожиданно для самой себя.

Уголок его губ дёрнулся вверх.

— Запрыгивай. Только ремень пристегни. Зверь, кстати. То есть Костя.

Он кивнул на пассажирское сиденье, и я сделала шаг. Потом ещё один. Открыла дверь, и салон окутал меня запахом кожи, табака и чего-то ещё… чего-то такого, от чего волоски на руках встали дыбом.

Не той опасности, что кричит и бросается на тебя, а той, что шепчет: «Ты знаешь, что это неправильно, но всё равно пойдёшь».

Я захлопнула дверь, отрезая себя от холодного ноября, от привычного страха, от маминых наставлений. Мир снаружи остался там — серый, промозглый, безопасный. А здесь, в этой машине, начинался другой мир.

Кожаное сиденье оказалось на удивление тёплым, почти горячим. Я пристегнула ремень так медленно, как только могла, чтобы скрыть дрожь в пальцах.

Костя смотрел на дорогу, легко управляя тяжёлым автомобилем одной рукой. На приборной панели мигала иконка непрочитанного сообщения.

— Я Кира, — зачем-то сказала я в пустоту — хотела оставить свой след в этом чужом, но притягательном пространстве.

— Я понял, — сказал он, бросив на меня быстрый взгляд, от которого пальцы сами собой сжались на ремне.

«Зачем я села? Зачем?» — сердце колотилось так, что мешало дышать. Мама бы сначала упала в обморок, а потом убила. Но я сидела здесь, в этой чужой машине, рядом с этим чужим человеком, и руки перестали дрожать.

Я искоса посмотрела на его профиль. Резкая линия подбородка, высокие скулы, недельная щетина, делавшая лицо суровее. Короткие, аккуратно выбритые волосы делали его старше, но, если представить его с волосами, он стал бы совсем мальчишкой — уставшим, злым, потерянным. Чёрная водолазка обтягивала широкие плечи, подчёркивая силу, которая не нуждалась в демонстрации.

— Пристегнулась? — его голос вырвал меня из мыслей, он даже не повернул головы, знал, что я смотрю на него.

— Да, — пискнула я слишком громко, и сама поморщилась от своего голоса.

Он хмыкнул. Не обидно, а скорее по-отечески. И вот это меня добило. От парня, который выглядит как ходячий приговор, исходило спокойствие. Уверенность асфальтоукладчика: всё, что попадает под каток, станет плоским. А я ехала рядом с этим катком и почему-то не боялась.

Мы выехали на проспект. За окном мелькали витрины магазинов, огни рекламы, люди спешили домой, к тёплым ужинам и уютным сериалам. Обычный мир. А я, Кира Калинина, которая вчера плакала над двойкой по химии и боялась

спросить у классной руководительницы, можно ли прийти завтра ко второму уроку, летела по тёмному городу с незнакомцем, и этот полёт был страшнее и прекраснее всего, что случалось со мной раньше.

— Музыка какая нравится? — снова этот голос, разрывающий вязкий кисель моих мыслей.

— Что? — я вздрогнула, словно меня поймали за чем-то запретным.

— Ну, уши тебе надо чем-то занять, раз рот молчит. Рок, попса?

Я посмотрела на магнитолу. Дорогая панель, куча кнопок.

— Мне всё равно, — честно призналась я.

— Понял, — он нажал кнопку.

Из колонок обрушился тяжёлый гитарный рифф и рык вокалиста на английском. Языка я не знала, но интонация была понятна: парень очень зол на весь мир. Идеально совпадало с ритмом моего сердца. Костя барабанил пальцами по рулю в такт музыке. Его глаза были прикованы к дороге, но я чувствовала — он всё ещё здесь, со мной. Он сбросил скорость перед светофором. Красный. Машина замерла, и гитарный рёв показался теперь оглушительным.

— Какой дом? — спросил он, не отрывая взгляда от дороги. На его колене лежала рука — рукав водолазки был закатан по локоть. Я заметила край татуировки, уходящей под ткань — загадочный узор, который хотелось рассмотреть.

— Сорок второй, третий подъезд, — ответила я.

Он кивнул. Светофор мигнул жёлтым.

— Панелька?

— Да. А вы… ты здесь живёшь? — ляпнула я и тут же захотела провалиться сквозь сиденье. Какая разница, где он живёт?

— Нет, — коротко бросил он, поворачивая руль и сворачивая во двор. — Просто район знакомый.

Мы припарковались прямо напротив моего подъезда. Мотор затих так же резко, как заиграл несколько минут назад. Внезапная тишина давила на уши. Было слышно только, как по крыше барабанят редкие капли дождя, который всё-таки начался.

Я потянулась к ручке двери, пальцы соскользнули.

— Спасибо, что подвёз, — пробормотала я, глядя на свои руки — смотреть ему в глаза было слишком страшно.

Костя ничего не ответил. Он смотрел прямо на меня — долго, пронзительно, так, что казалось, он видел не только моё лицо, но и все мои мысли, страхи, надежды. Было похоже, что он решал сложную задачу или примерял на меня невидимый костюм, проверяя, подойдёт ли.

— Восемнадцать хоть есть? — наконец произнёс он. Голос стал ниже, серьёзнее.

— Два месяца назад исполнилось, — соврала я.

Он кивнул, но уже без веселья. Видимо не поверил.

— Ясно. Ладно, беги.

Я выскочила из машины, глотая холодный воздух, кото-

рый теперь казался не враждебным, а спасительным. Развернулась, чтобы помахать ему на прощание, но БМВ уже плавно отъезжала от меня. Поворотник тихо щёлкнул, но этот звук прозвучал как взведённый курок — окончательный, бесповоротный.

Поднялась на свой этаж быстрее, чем обычно. Открыла дверь — мама охала над моими влажными волосами, поила чаем с лимоном, ругала общественный транспорт. Я улыбалась, отвечала что-то невпопад, механически листала ленту.

Ночью ворочалась в кровати до трёх. Меня накрыло. Дежавю, от которого подкашиваются колени. Я поняла, почему его глаза казались мне такими знакомыми. Этот оттенок. Эта глубина. Они смотрели на меня из зеркала каждый день.

Заснула только под утро, свернувшись клубком. И впервые за последний год мне не снились уравнения и параграфы по алгебре. Всю ночь напролет мне снился саундтрек его машины — тот самый утробный, вибрирующий рёв мотора, от которого до сих пор покалывает в груди. И, конечно, его зелёные глаза.

На следующий день после школы ноги сами понесли меня не домой, а к той самой остановке. Полчаса под козырьком, пока не промерзла до костей. Он не приехал. И не приедет завтра. Чудес не бывает.

По крайней мере, так я думала, пока через три дня, выходя из магазина у дома, не услышала тот самый низкий рокот мотора — звук, который уже успел стать для меня чем-

то большим, чем просто шум двигателя.

Глава 2. Три дня

День первый: отрицание.

Утро началось не с кофе, не с будильника — оно началось с паники, густой, вязкой, от которой тошнило.

Я стояла перед зеркалом в ванной дольше обычного. Припухшие со сна глаза казались слишком блёклыми. Нос — картошкой. Волосы лежали как после драки с подушкой, в которой я, кажется, проиграла.

«Он видел меня такой. Поздравляю», — эта мысль ударила под дых, и я едва не рассмеялась от абсурдности ситуации. Смех застрял где-то в горле, горький и колючий.

В школе всё валилось из рук. На алгебре я должна была решать уравнения, но вместо этого выводила в тетради профиль — резкий изгиб подбородка, линию скул, упрямый контур губ. Учительница что-то говорила у доски, цифры плясали перед глазами, а я видела только его.

Ленка толкнула меня локтем — этот толчок вернул в реальность резкой болью в рёбрах.

— Калинина, ты чего зависла? Влюбилась, что ли?

Я залилась краской до самых корней каштановых волос. Ленка захихикала, довольная своей проницательностью, а я хотела провалиться сквозь пол.

— Не придумывай, — пробормотала я, уткнувшись в тетрадь. — Просто не выспалась.

— Не выспалась она, — Ленка закатила глаза. — Ты весь урок рисуешь какие-то профили. Если это не влюблённость, то у тебя зависла графика в мозгу. Кто он?

— Никто.

— Ага. «Никто» с таким румянцем на щеках — это уже кто-то. Из наших?

— Нет.

— Не из наших? Тем лучше. Старшеклассник?

Я молчала, но молчание было красноречивее любого ответа. Ленка торжествующе хмыкнула и откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди: поза следователя, который только что выбил признание.

— Лена, отстань. Я серьёзно. Просто подвёз один человек, и всё.

— «Просто подвёз», — передразнила она. — А ты рисуешь его профиль на полях вместо уравнений. Ничего необычного, конечно.

Звонок спас меня от дальнейшего допроса.

После уроков мы шли к остановке вместе. Ленка болтала без умолку: про мальчишек из старших классов, про новый телефон Аллы из параллельного, про то, что в столовой опять пересолили котлеты. Я кивала, улыбалась в нужных местах, а сама разглядывала поток машин, выискивая среди них одну-единственную — тёмно-синюю, хищную.

Каждый раз, когда из-за поворота выныривала тёмная машина, я подавалась вперёд, а потом откидывалась обратно:

не она.

Ленка села в свою маршрутку и уехала, оставив меня одну на продуваемой всеми ветрами остановке. Автобусы шли один за другим: двойки, семёрки. Моего не было. И его не было.

Сорок минут. Холод пробирался под куртку, сковывал пальцы. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что этот холод даже к лучшему. Замерзнуть проще, чем признать очевидное: чудо было одноразовым. Как салфетка.

Домой я шла пешком, срезая путь через дворы. У мусорных баков заметила ржавый капот от старой «девятки». От него пахло бензином и тоской — жалкой, дешёвой подделкой под тот запах из кожаного салона.

День второй: злость.

Проснулась с твёрдым решением выкинуть его из головы. Взрослые женщины не ждут принцев у обочины. Они сами решают свою судьбу.

К обеду решение треснуло, как лёд на луже. Я поехала не домой, а в центр. Кофе на вынос обжигал руки. Я села на скамейку главной площади и начала играть в шпиона. Мужчина в костюме говорит по гарнитуре — не он. Парень на электросамокате — слишком молод. Компания мужчин курит у входа в дорогой ресторан. Один поворачивается — круглое лицо, сытый взгляд. Нет.

К вечеру голова гудела от бесконечного вглядывания в чужие лица. Город был огромным, и тайна в нём растворялась

без следа. Таких машин — тысячи. Имя Костя — вполне себе популярное. Я искала иголку в стоге сена, который к тому же постоянно перемещался.

Но даже понимая всю нелепость, я снова пошла на остановку. Снова всматривалась в машины, ловила каждый низкий рокот мотора. Его не было. Пальцы в карманах куртки онемели от холода и напряжения.

По дороге домой зашла в супермаркет за хлебом. В отделе с книгами в мягких обложках взгляд зацепился за стеллаж. На одной из обложек полуобнажённый мужчина прижимал к себе девушку в свадебном платье. Название кричало: «Его опасная страсть».

Я фыркнула, но всё равно купила её. Если реальность отказывается быть кино, придётся читать о нём.

Ночью читала при свете фонарика под одеялом. Героиня плакала, герой уходил на «дело», спасал мир или кого-то ещё. Я отложила книгу, посмотрела на свою пижаму с пингвинами, на пачку сушек на тумбочке. Разница была колоссальной. Моя героиня сидела в пижаме с пингвинами и ела сушки. И это было честно. Горько, но честно.

День третий: смирение.

На третий день я почти перестала ждать. Почти. Помогала маме резать салат, слушала её рассказы про соседку, которая опять устроила скандал в магазине, кивала, улыбалась.

К вечеру я сдалась окончательно. Простояла сорок минут на остановке — опять впустую. Завтра выходные. Куплю но-

вый лак для ногтей, пойду с Ленкой в кино на глупую комедию.

Решила выйти в круглосуточный магазин. Взяла пачку глазированных сырков — простых, понятных, без лишних драм. Расплатилась на кассе, сунула сдачу в карман, толкнула тяжёлую стеклянную дверь.

Плетусь к подъезду. Под ногами хрустит подмёрзшая грязь. Сворачиваю во двор. Фонари горят через один, и вечерами тут царит кромешная тьма, разрываемая только светом окон, который падает на асфальт жёлтыми квадратами.

Шарю в кармане куртки в поисках ключей, смотрю себе под ноги, чтобы не наступить в лужу. И вдруг замираю. Прямо перед глазами, там, где обычно парковались пузатые седанчики соседей, чернильным пятном застыл силуэт машины. Низкая, хищная, широкая. Двигатель работал почти бесшумно, но я чувствовала вибрацию асфальта подошвами кроссовок — вибрацию, которая отдавалась где-то в груди, в кончиках пальцев.

Потом вспыхнули огни. Ближний свет ударил прямо в глаза, заставляя зажмуриться, прикрыть лицо рукой.

Я стою в луже подтаявшего грязного снега, прижимая к груди пачку глазированных сырков, как щит.

Костя глушит музыку одним щелчком. Звук обрывается, оставляя звенящую пустоту между нами. Он даже не выходит из машины. Просто опускает стекло со стороны водителя до конца.

— Сырки просроченные искала? — голос всё тот же, бархатный, но сейчас в нём слышна стальная струна. — Или знак свыше ждала?

Я сглотнула. Во рту пересохло, язык прилип к нёбу.

— Шоколадку. Для… для салата. Мама рецепт потеряла, — выпалила я и тут же мысленно застонала.

Он тихо рассмеялся. Не обидно, не издевательски, а так, как наблюдают за неуклюжим котёнком, который пытается поймать свой хвост и каждый раз промахивается.

— Врёшь плохо. Но стараешься, это мило. Садись, принцесса. Холодно.

Это не было ни вопросом, ни приглашением. И моё тело отреагировало быстрее мозга. Ноги сами сделали шаг, потом второй. Я потянулась к ручке двери, открыла её, и запах кожи и морозной свежести ударил в нос, возвращая меня в тот первый вечер.

Я села. Положила злополучные сырки на колени и только тогда заметила, что руки мелко дрожат. Дрожь была предательской — выдавала всё: волнение, страх, радость, облегчение. Всё сразу.

Костя не смотрел на меня. Но я знала — он чувствует, как я сижу рядом, как пытаюсь унять эту дрожь.

И впервые за эти три дня мне стало спокойно. Не из-за того, что всё стало понятно. А из-за того, что он был здесь. Рядом. И этого оказалось достаточно.

Глава 3. Любопытство

Он тронулся с места плавно, без рывка и визга шин, будто машина давно знала его руки.

Мы выехали со двора и влились в поток. Город тут же окружил нас шумом, светом и бесконечным движением. За окном проплывали витрины, неон. В освещённых окнах мелькали люди: одни накрывали на стол, другие смеялись, кто-то прижимал к себе ребёнка.

Я смотрела на всё это и чувствовала себя так, будто нахожусь по другую сторону стекла.

В салоне было тихо. Пахло кожей, холодным воздухом и чем-то ещё — запахом, который въелся в моё сознание.

Я украдкой посмотрела на Костю.

Он спокойно держал руль, почти не двигаясь. Из-под ворота тёмной водолазки виднелись татуировки на шее — чёрные линии, складывающиеся в узоры. Мне хотелось рассмотреть их поближе, но спрашивать было неловко.

— Зачем ты приехал? — наконец спросила я.

Негромко заиграла музыка — что-то медленное, про дороги и одиночество. Костя не ответил сразу. Мы проехали два перекрёстка.

— Потому что ты единственная дура во всём районе, которая стояла на остановке три дня подряд, — сказал он наконец.

Я повернула голову.

— Даже местные алкаши догадались сменить дислокацию. А ты нет.

Он говорил совершенно спокойно, без насмешки.

— Мне стало любопытно.

— Понятно.

Слово прозвучало холоднее, чем я хотела.

— Останови здесь. Я выйду.

Пальцы уже легли на ручку двери, когда его ладонь накрыла мою. Она была горячая, почти обжигающая, и моя рука в его кулаке выглядела как пойманная птичка — маленькая, хрупкая, доверчивая.

Я замерла.

— Сидеть, — сказал он тихо, но без агрессии. — Раз уж ты тут. Отвезу назад. Не бойся, приставать не буду.

Он убрал руку, вернул её на руль, и я отдёрнула свою, прижала к груди, к пачке глазированных сырков, которые теперь казались нелепым, детским талисманом. Я отвернулась к окну, чтобы он не видел моего лица.

Через несколько минут он свернул в узкий переулок. Здесь не было ярких витрин и прохожих — только старые дома, высокие окна и тёмные арки.

— Куда мы едем? — я слегка напряглась, и это напряжение вибрировало в голосе, выдавая меня.

— Туда, где ты перестанешь дрожать, — коротко бросил он и мельком посмотрел на меня.

Через пару минут он припарковался у старого здания с облупившейся вывеской. Рядом с дверью горел небольшой фонарь.

— Подожди.

Костя вышел, обошёл машину и открыл мне дверь. На улице пахло мокрым асфальтом. Он протянул руку.

Я колебалась ровно секунду. Потом вложила свою ладонь в его. Его пальцы были тёплыми и твёрдыми. Мы поднялись по трём ступеням, и он открыл тяжёлую дверь.

Внутри оказалось маленькое кафе. Не модное и не рассчитанное на фотографии в социальных сетях. Деревянные столы с потёртыми краями, книжные полки, тёплый свет. Пахло кофе и свежим хлебом.

За стойкой стояла женщина лет пятидесяти. Увидев Костю, она улыбнулась.

— Опять ты, — сказала она без упрёка. — И с кем-то.

— Это Кира. Ей надо согреться, — Костя подмигнул мне, и от этого простого, почти мальчишеского жеста я улыбнулась.

Женщина кивнула и ушла в подсобку. Костя усадил меня у окна, сам сел напротив. За стеклом дождь размывал город. Здесь он уже казался не таким холодным.

Через минуту женщина принесла две кружки горячего шоколада. На поверхности плавали крошечные кусочки зефира.

— Пей, — сказал Костя. — Тут делают так, что забыва-

ешь, какая погода на улице.

Я обхватила кружку ладонями. Сделала глоток. Шоколад оказался густым и очень горячим.

Некоторое время мы молчали. Я ждала, что он что-нибудь спросит, но Костя просто смотрел в окно. И почему-то молчать с ним было гораздо проще, чем разговаривать. Мы просидели так около получаса.

Когда вышли, дождь почти закончился. С карнизов ещё падали редкие капли. Костя открыл мне дверь машины. Я села внутрь и меня окутал запах, который я уже начала узнавать. Двигатель заурчал, и через несколько минут город за окнами стал темнее.

Костя припарковался не у самого подъезда, а чуть дальше — за углом трансформаторной будки. Из наших окон эту машину не увидят. Мелочь, от которой вдоль позвоночника пробежал холодок.

— Сорок второй, — констатировал он, глуша мотор.

Двор тонул в синеватом свете фонарей.

— Третий подъезд, второй этаж, — продолжил он. — Окна с рюшами на тюле.

Я медленно повернулась к нему.

— Откуда…

— Я три вечера тут круги наматывал, пока ты обтирала остановку.

На секунду я даже не нашлась, что сказать.

— Надо же было изучить ареал обитания редкого вида.

Я фыркнула, хотя внутри всё ещё было странно оттого, что он действительно приезжал сюда.

— Иди домой, уже поздно, — сказал он буднично, будто разговор закончился сам собой.

Я вышла. Дверь закрылась с тихим щелчком, который прозвучал как точка в конце предложения.

Машина тронулась почти сразу. Я успела увидеть только красные габаритные огни, прежде чем они скрылись за домом.

В квартире было тихо.

Я поставила чайник, налила себе воды, но так и не выпила. Просто держала её в ладонях, чувствуя, как тепло постепенно уходит. Потом легла на кровать, надела наушники — и в уши тут же ворвался вязкий мотив. Закрыла глаза. Сон не шёл. Он обходил меня стороной.

Когда я наконец провалилась в полусон, мне приснился Костя. Не тот, который холодно сказал «уже поздно», а другой — во сне он смотрел на меня и улыбался, и мне хотелось протянуть руку, схватить эту улыбку, удержать её, чтобы она не растворилась вместе с пробуждением. Но каждый раз, когда пальцы почти касались его, сон дёргался, менялся, и Костя снова становился прежним — молчаливым, отстранённым, смотрящим куда-то мимо меня.

Я несколько раз просыпалась с ощущением, что чего-то не понимаю.

Именно это почему-то не давало мне уснуть окончатель-

HO.

Глава 4. Руль

Телефон завибрировал ровно в семь утра. Я нащупала его почти вслепую. На экране было сообщение:

«Спишь? Выходи. Жду внизу».

Я подскочила с кровати так резко, что закружилась голова. Семь утра. Суббота.

Я легла около трёх — точнее, просто сдалась и закрыла глаза, надеясь, что сон когда-нибудь придёт.

Подбежала к окну и резко отдёрнула штору. Внизу стоял он. Тёмно-синяя машина у бордюра, двигатель работал, выпуская сизый дымок в воздух. Костя сидел за рулём, курил, выставив локоть в открытое окно. Он не смотрел наверх — знал, что я уже стою у окна, уже решаю: бежать вниз или задернуть штору.

Он коротко просигналил.

Би-бип.

Я даже не заметила, как схватила сумку и куртку. Мама крикнула из кухни про завтрак, про «куда в такую рань», но я уже неслась по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Дверь машины открылась раньше, чем я успела взяться за ручку.

— Залезай, принцесса. Простынешь, — сказал он вместо «доброго утра». — Поехали просыпаться.

Я села и пристегнулась. Знакомый запах сразу вернул ме-

ня в то состояние, в котором рядом с ним я забывала, как вообще нужно себя вести.

— Откуда ты узнал мой номер? — выпалила я, пока язык не прилип к нёбу от волнения.

— Секрет фирмы, — он улыбнулся и тронулся с места.

Мы выехали со двора. Город в такую рань казался другим. Пустым, сонным. Солнце только поднималось над крышами, окрашивая серые дома в розовый. На асфальте блестела вода, из открытых дверей пекарен тянуло свежим хлебом.

Костя включил музыку. Тихий инди-рок на английском. Голос вокалиста звучал устало, красиво.

— Куда мы? — спросила я.

— Никуда. Просто едем, — он посмотрел на меня краем глаза. — У тебя лицо помятое. Плохо спала?

— Думала о контрольной по химии, — соврала я, глядя строго перед собой.

Он фыркнул. Смех у него был низкий, грудной.

Потом сама не поняла, зачем это сказала:

— Дай порулить.

Костя поперхнулся сигаретным дымом. Несколько секунд он просто смотрел на меня, а потом рассмеялся. Громко, искренне.

— Что?!

— Ну, машину дай поводить.

— Тебе права сначала получить не мешало бы.

— Я знаю, где газ и тормоз.

Он снова посмотрел на меня.

— Это очень успокаивает.

— Я серьёзно.

Костя помолчал. Потом притормозил у широкого проспекта, где почти не было машин, и заглушил двигатель.

— Выходи.

Я непонимающе посмотрела на него. Он хлопнул ладонью по водительскому сиденью.

— Садись.

Я пересела. За рулем всё вдруг оказалось совсем другим. Сиденье слишком далеко. Руль огромный. Педали — где-то внизу, и ноги едва до них доставали.

— Будь внимательной, — сказал Костя, устраиваясь рядом. — Газ плавнее. Руль не дёргай.

Я кивнула. Он опустил ручник. Машина тронулась. Первые несколько секунд я ехала так медленно, что мне казалось, будто все остальные несутся. Автобус слева казался огромным. Грузовик справа — ещё больше. Я крепко держала руль.

— Спокойнее.

— Я спокойна.

— Конечно.

Я посмотрела на него.

Костя сидел совершенно расслабленно, будто происходящее было самым обычным делом. И почему-то от этого мне стало легче.

— Быстрее можешь, — сказал он спокойно, будто речь шла не о двух тоннах металла и скорости, а о прогулке по парку.

— А если я врежусь?

— Не врежешься.

— Откуда ты знаешь?

— Я рядом.

Эти два слова подействовали лучше любых инструкций. Я нажала на газ. Семьдесят. Потом восемьдесят. В окно ворвался холодный воздух. Волосы растрепало ветром. Я засмеялась. Не от скорости даже. От ощущения, что прямо сейчас могу сделать что-то, чего раньше никогда себе не позволяла.

Когда мы подъехали к моему дому, я заглушила двигатель. Старое панельное здание выглядело нелепо рядом с этой машиной, было похоже, что оно принадлежало другому миру — миру серых будней, контрольных, маминых ужинов и тихих вечеров. Руки всё ещё дрожали.

— Спасибо, — сказала я.

Костя посмотрел на меня.

— Понравилось?

Он наклонился чуть ближе. Я почувствовала его запах и на секунду забыла, что собиралась ответить.

— Да.

— В понедельник заберу после уроков.

Я подняла глаза.

— Зачем?

— Будем учиться ездить дальше.

Я улыбнулась. Вышла из машины и пошла к подъезду. На полпути обернулась и махнула ему рукой. Костя посмотрел на меня. Потом нажал на газ. Колёса коротко взвизгнули, и машина сорвалась с места. Я ещё несколько секунд стояла во дворе, глядя ей вслед. Ноги подкашивались. Не то от холода. Не то от адреналина. А может, от всего сразу.

Выходные тянулись медленно. Я ждала понедельника. Каждый раз, когда вибрировал телефон, я хватала его слишком быстро. Каждый раз оказывалось, что это не он. Но я всё равно ждала. Потому что впервые мне хотелось не просто быть хорошей девочкой, которая делает всё правильно.

Мне хотелось рискнуть.

Глава 5. Аквариум

Школа была похожа на огромный аквариум. Стеклянные стены, яркие лампы под потолком, одинаковые коридоры и мы в нём — маленькие рыбки, плавающие по заданной траектории: кабинет — столовая — следующий урок — снова кабинет. Всё было предсказуемо, безопасно, расписано по минутам. До тех пор, пока в моей жизни не появился Костя.

Теперь я сидела на алгебре и смотрела на доску, не понимая ни одного числа. Перед глазами вместо уравнений стоял тёмно-синий капот. И его лицо. Кости. Зверя. Он сказал звать его Зверем — имя прилипло к нему идеально: что-то первобытное, опасное, скрытое за дорогой оболочкой.

— Калинина.

Я вздрогнула.

— Земля вызывает Киру. Мы решаем уравнения или ты мысленно уже в гастрономе?

Класс хихикнул. Я покраснела, чувствуя, как жар ползёт от шеи к щекам.

— Извините, Елена Викторовна. Задумалась.

— Может, не о мальчиках будешь думать, а об уроках? — отрезала она. — Десятый класс, Калинина. Не детский сад.

Мальчики. Если бы она знала. Мои одноклассники казались мне детьми, играющими в песочнице. Их проблемы — прыщи на лбу, новая игра на приставке, кто кого круче обо-

звал на перемене. А Костя был совсем другим. Он жил в мире ночных дорог, машин, тёмных переулков и разговоров, в которых иногда было больше смысла, чем в длинных школьных беседах.

Звонок спас меня от неминуемой двойки. Я уже собирала тетради, когда в рюкзаке завибрировал телефон. Я почти выронила его, пальцы не слушались. На экране высветился незнакомый номер.

Я сбросила. Не он. Разочарование оказалось настолько сильным, что я сама на себя разозлилась. «Дура, размечталась», — шептал внутренний голос.

Телефон снова завибрировал. Тот же номер. Я посмотрела на экран, потом в окно. Ветер гнал по школьному двору последние листья. Палец сам нажал зелёную кнопку, видимо, тело знало то, чего не знал разум.

— Алло? — сказала я слишком тихо, почти шёпотом.

— Принцесса.

Я замерла. Его голос моментально вытеснил всё вокруг — шум коридора, голоса, шаги.

— Выходи через задний вход школы. Жду.

Короткие гудки. Он даже не стал ждать ответа. Я улыбнулась. И только потом поняла, что уже бегу в раздевалку.

Там пахло мокрыми пуховиками, дешёвым дезодорантом и старыми кроссовками. Я натягивала куртку на ходу, путаясь в застёжке.

Выскочила через боковую дверь и обогнула толпу куря-

щих мальчишек, которые даже не заметили меня — для них я была просто тенью, промелькнувшей мимо. Я бежала к нему.

Он стоял, прислонившись к колонне во внутреннем дворике школы. Сигарета дымилась в углу рта, тонкая струйка дыма поднималась вверх и растворялась в сером воздухе. Сегодня на нём была кожаная куртка, потёртая на локтях. Бритую голову скрывала вязаная шапка, натянутая низко, почти до бровей. Со стороны он выглядел как обычный парень, приехавший к своей девушке.

Увидев меня, он затушил её о подошву ботинка и пошёл навстречу.

— Держи.

Он протянул мне пакет из кофейни. От него пахло кофе и чем-то знакомым — тем самым запахом, который я уже начинала связывать только с ним.

— Сахар мозги включает.

Я взяла пакет обеими руками.

— Костя, зачем ты приехал?

— Да просто мимо проезжал.

Он усмехнулся.

— Решил навестить королеву математики.

Я закатила глаза.

— Очень смешно.

У него завибрировал телефон. Он посмотрел на экран, нахмурился и убрал его в карман.

— Ладно, беги. А то твоя училка объявит тебя в розыск.

Он уже развернулся, когда добавил:

— Увидимся завтра после уроков.

И пошёл к машине.

Я стояла и сжимала в руках пакет, чувствуя, как тепло от него проникает сквозь пальцы. Смотрела, как машина рвёт с места, как резина визжит, оставляя на асфальте тёмные полосы, — напоминание о том, что он был здесь, что это не сон.

— Кира!

Я обернулась. Ленка бежала ко мне.

— Ну всё. Теперь рассказывай.

— Что?

— Кто это был?

Она выхватила у меня пакет с кофе и спрятала за спину.

— Лен, отдай.

— Нет. Сначала рассказывай.

Я вздохнула, понимая, что просто так подруга не отстанет. Оглянулась по сторонам, искала, нет ли где-то поблизости Кости, который мог бы меня спасти. Потом заговорщицки понизила голос:

— Ладно. Ничего такого, просто подвёз пару раз, разговаривали.

— Ага, «разговаривали», — передразнила она с хитрой улыбкой. — Он в школу к тебе приехал ради пары минут! Я видела издалека в окне. Рассказывай давай. Какой он вообще?

— Он знаешь, совсем не такой, как все эти наши мальчишки из параллели. Те только и думают, как громче ржать или кто кого круче. А Костя… он спокойный, рассудительный. В нём есть что-то взрослое, кажется, что он знает про этот мир что-то такое, чего нам ещё долго не понять.

— Ой, мамин пирожок, — съязвила Лена, но в её голосе не было настоящей язвительности, только попытка скрыть любопытство. — Ладно-ладно. Внешность-то какая? Симпатичный? Опиши его.

— Нуу… Выше меня на полголовы точно. Волосы тёмные, коротко бритые. Глаза зелёные. Когда он смотрит прямо на тебя, кажется, что он не просто слушает, а реально слышит.

Лена подвинулась ближе, она боялась пропустить хоть слово.

— Так-так, уже интереснее. Одет как? Планируете ещё видеться?

— Нормально одет.

— И?

— И что?

— Нравится?

Я посмотрела на неё. Ленка довольно улыбнулась.

— Я так и знала.

Прозвенел звонок, резкий, требовательный, возвращающий нас в реальность. Я выхватила из её рук пакет и побежала в класс, оставив Ленку стоять с раскрытым ртом.

После школы я почти сразу отправилась на остановку. Не

потому, что мне нужно было домой. Просто хотелось оказаться там, где он когда-то меня увидел. Я села в первый попавшийся автобус, чтобы Ленка не догнала меня с очередными вопросами.

Автобус покачивался на поворотах. Я смотрела в окно, но почти ничего не замечала. Кофе давно остыл. Я всё равно держала стаканчик в руках. Почему-то не могла выбросить. Наверное, пока он был у меня, всё сегодняшнее утро казалось настоящим.

Я посмотрела на тёмное стекло автобуса и впервые призналась себе в том, чего до этого старательно не замечала. Он мне нравился. Гораздо больше, чем я хотела себе позволить. И видимо, гораздо больше, чем я ему.

Глава 6. Барсетка

Дом встретил меня тишиной. Я кинула рюкзак в угол, забралась в кресло с ногами, укуталась в плед. Открыла книгу.

«Граф Монте-Кристо» смотрел на меня с пожелтевших страниц — его планы, интриги, его холодная месть. Буквы плыли перед глазами, и я снова видела совсем другую картину: тёмный двор, Костю под фонарём, себя рядом с ним — маленькую, дрожащую, и не только от холода.

Отложила книгу. Положила телефон на тумбочку экраном вверх — пусть будет видно, если вдруг он напишет. Телефон молчал.

За окном постепенно темнело. Настенные часы отсчитывали минуты. Завтра. Я должна была просто дождаться завтра. Последний урок закончится — и я снова его увижу. Я сама не заметила, как уснула.

Меня разбудила вибрация телефона. Шесть утра. На экране: «Выходи. Жду внизу».

Я вскочила так быстро, что чуть не запуталась в одеяле. Накинула первую попавшуюся толстовку, схватила рюкзак и куртку. Маму будить не стала. Через несколько минут уже выбежала во двор. Костя стоял у машины, прислонившись к капоту. Увидев меня, улыбнулся.

— Какая быстрая, — сказал он вместо приветствия.

— Ты же сам сказал «выходи», а не «собирайся два часа»,

— парировала я, подходя ближе. — Или ты привык, что девушки перед встречей с тобой делают эпиляцию ног?

Костя замер на секунду. А потом расхохотался. Громко, запрокинув голову, так, что этот смех разнёсся по двору и спугнул голубей с карнизов.

— Садись, язва, — сказал он и открыл мне дверь. — Эпиляция отменяется, едем как есть.

Я уже собиралась сесть, когда он протянул мне небольшую кожаную сумку. Барсетку.

— Подержи.

Я взяла её.

Она оказалась холодной и довольно тяжёлой.

— Только не открывай.

Я посмотрела на него.

— Почему?

— Если остановят, скажешь, что нашла на улице.

Улыбка исчезла с моего лица.

— Кто остановит?

— Никто.

Он завёл двигатель.

— Просто страховка.

Я положила барсетку на колени. Внутри что-то твёрдое сдвинулось.

Мне совсем не хотелось выяснять, что именно. Мы ехали по утреннему городу. Он только начинал просыпаться: дворники сметали листья, из пекарен пахло хлебом, на оста-

новках появлялись первые люди. Костя включил старый рок. Некоторое время мы молчали. Потом я посмотрела на него.

— Ты сегодня молчаливый, — сказала я.

— Не заметил, — ответил он. Потом слегка наклонился в мою сторону.

— Есть дело, Кира. Поможешь?

Ладони вспотели, пальцы вцепились в сиденье.

— Помогу, — ответила я тихо, но твёрдо.

— Открой бардачок, — скомандовал он.

Я открыла. Там лежал толстый коричневый конверт.

— Сейчас подъедем к бизнес-центру. Поднимешься на третий этаж. Найдёшь переговорную «Альфа».

Я слушала, стараясь не задавать лишних вопросов.

— Там мужчина в сером костюме. Лицо невыразительное, глаза рыбьи.

Я невольно усмехнулась.

— Очень подробное описание.

— Тебе хватит.

Он посмотрел на меня.

— Положишь конверт на край стола и скажешь: «Доставка для Виктора Павловича».

— И всё?

— И всё.

Он сделал паузу.

— Потом развернёшься и уйдёшь.

Я взяла конверт. Он оказался неожиданно лёгким. На

ощупь никаких гранат, слава богу. Просто плотный картон.

Бизнес-центр встретил меня пустыми коридорами и ковролином, который глушил каждый шаг. Лифт доехал до третьего этажа за двенадцать секунд — я считала. Переговорная «Альфа» нашлась в конце коридора: дверь приоткрыта, из-за неё — синий свет экрана.

Я вошла. За столом сидел мужчина в сером костюме. Лицо невыразительное, глаза рыбьи. Всё точно, как описал Костя. Он говорил по телефону и даже не сразу посмотрел на меня.

— Доставка для Виктора Павловича, — произнесла я, положила конверт на край стола, развернулась и вышла. Не оглядываясь.

Спускаясь вниз, я ожидала увидеть мигалки, людей в форме, хоть что-то. Но парковка была такой же пустой, как и десять минут назад. Только машина Кости стояла на своём месте. Он ждал. Я села внутрь и только тогда поняла, что у меня дрожат пальцы.

Костя посмотрел на меня.

— Молодец.

Я ничего не ответила.

— Из тебя выйдет толк.

Он завёл двигатель.

— Поехали. Ещё успеваем к первому уроку.

Машина тронулась. Несколько минут я молчала. Потом Костя спросил:

— Расскажи мне что-нибудь.

— Что?

— Всё.

Он слегка улыбнулся.

— Какую музыку слушаешь? О чём мечтаешь? Почему всегда одна?

Я сглотнула. Слова застряли в горле, но потом прорвались наружу.

— Слушаю Земфиру, «Сплин». Мечтаю уехать в Питер. Поступить на журфак. А одна… просто так получается.

— Журфак, — фыркнул он, поворачивая руль одной рукой. — Будешь писать про светские рауты? Или про то, как мэр украл очередной миллиард?

— Может быть, — ответила я, глядя на свои руки.

— А ты? О чём мечтаешь ты, Костя?

Он долго молчал. Так долго, что я уже подумала — не ответит. Мотор БМВ урчал ровно, убаюкивающе.

— Чтобы меня оставили в покое, — наконец сказал он. Голос у него стал тише.

— Чтобы можно было проснуться утром и знать, что никто не придет с вопросами.

Он замолчал. Потом добавил:

— Просто тишина. Настоящая.

До самой школы мы больше не разговаривали. Я смотрела в окно. Город становился всё ярче: люди спешили на работу, открывались магазины, автобусы заполнялись пассажирами.

Обычное утро. Только теперь я знала, что у Кости есть какая-то другая жизнь. И он только что позволил мне заглянуть в неё. Совсем немного. Ровно настолько, чтобы мне захотелось узнать больше.

Так началась наша… не знаю, как это назвать. Не дружба. Дружбой это назвать было нельзя.

Глава 7. Две жизни

Зима в этом году наступила внезапно. Щёлкнул выключатель, и мир переключился с приглушённого серого на ослепительно белый.

Я выглянула однажды утром в окно — и попала в другую вселенную. Всё было покрыто плотным, нетронутым ковром снега: крыши домов, скамейки, старые качели, даже провода просели под этой белой тяжестью. Город замер, укутанный в морозную тишину, и выглядел одновременно красивым и чужим.

Я не люблю холод. Не люблю, когда пальцы коченеют за первые три минуты на улице, когда ресницы слипаются от инея, когда каждый вдох обжигает лёгкие. Но в тот день я смотрела на этот снег и понимала: он стал частью моего нового ритма, фоном для той странной мелодии, в которую превратилась моя реальность.

Моё существование разделилось на две параллельные жизни, которые почти не пересекались, но каким-то чудом удерживали меня на плаву.

Первая была привычной, даже слишком. Школа, подготовка к экзаменам, завучи, которые метались по коридорам, выкрикивая что-то про «важность момента» и «будущее, которое уже наступило». В столовой девчонки обсуждали выпускные платья на следующий год, видимо, от выбора оттен-

ка фатина зависела судьба вселенной. Я присутствовала там телесно: сидела на уроках, кивала, отвечала. Но мысленно считала секунды до момента, когда всё это станет неважным, когда мир сожмётся до одной короткой мысли в моей голове: «синий БМВ у подъезда».

Вторая начиналась со щелчка центрального замка. Этот звук стал для меня сигналом, что игра началась.

— Залезай, штурман, — говорил Костя, не поворачивая головы. Спокойно, буднично, как будто не вырывал меня из одной жизни и не бросал в другую, а просто предлагал выпить кофе.

Мы колесили по ночному городу под рэп, который он ставил на полную громкость. Басы вибрировали в груди, заглушая любые сомнения. Заезжали в круглосуточные кофейни на окраине, где бариста знал его по имени, кивал, как старому знакомому, и молча протягивал стаканчик без лишних вопросов.

Там, среди неоновых вывесок и аромата пережаренных зёрен, Костя становился другим. Рассказывал про моторы, про то, как звучит настоящий V8 — не просто двигатель, а живой зверь, которого нужно чувствовать, слышать, уважать. Он говорил о многом и ни о чём одновременно.

Костя учил меня водить на заброшенном аэродроме, где асфальт проглядывал чёрными полосами сквозь снег. Среди пустых взлётных полос и ржавых ангаров время замирало. Он сажал меня за руль, показывал, как держать руки, как

чувствовать педаль, как не бояться скорости. Скорость — это не про риск, а про контроль. И в эти моменты я чувствовала себя живой — не той девочкой, которая сидит на уроках и кивает, а человеком, который может управлять чем-то большим, чем собственная неуверенность.

А потом, как бы между делом, он протягивал обычный почтовый конверт или пластиковую флешку. Никаких предисловий. Просто короткий, чёткий приказ.

— Сгоняй к Старому вокзалу, оставь в синей камере хранения. Ключ отдашь Михалычу, он будет в третьем зале ожидания. Поняла?

Я кивала. Ладони становились влажными, пальцы не слушались, но я брала этот конверт, сжимала его так крепко, словно он мог исчезнуть, если отпустить хоть на секунду. Я знала, что помогаю ему перевозить что-то противозаконное — документы, ключи, может быть, что-то хуже. Знала и всё равно шла.

Однажды я всё-таки спросила:

— Костя, а если меня поймают? Если спросят, кто дал?

Он не сразу ответил. Сначала посмотрел на дорогу, будто там был написан ответ, потом перевёл взгляд на меня.

— Не поймают, — сказал он. — Ты всё делаешь правильно. А если вдруг что — я буду рядом.

Эти слова должны были успокоить, но они только добавляли веса тому, что я делала. Он не просто манипулировал мной. Он брал ответственность на себя. И от этого станови-

лось одновременно и страшнее, и спокойнее.

На вокзале было холодно и пусто. Люди спешили мимо, пряча лица в воротники, и никто не обращал внимания на девочку с конвертом в руках. Михалыч сидел в третьем зале, как и было сказано: невысокий, плотный мужчина с усталыми глазами и руками, покрытыми старыми шрамами. Он кивнул мне, не спрашивая, не улыбаясь, просто протянул руку. Я отдала ключ. Он сунул его в карман и ушёл, не сказав ни слова.

Когда я вернулась к машине, Костя сидел, откинувшись на сиденье, и смотрел прямо перед собой. Увидев меня, слегка приподнял бровь — спрашивал без слов: «Всё в порядке?» Я кивнула. Он улыбнулся — не широко, не радостно, а так, словно оценил мою выдержку, мою способность не сломаться.

— Молодец, — сказал он, заводя мотор. — Теперь домой.

И мы снова поехали по вечернему городу, мимо светящихся витрин, мимо тёмных дворов. Костя включил музыку — тихо, фоном. Басы гудели ровно, убаюкивающе.

— Завтра рано вставать, — сказал он, не поворачиваясь.

Я кивнула, хотя он не видел. За окном мелькали люди, которые жили обычной жизнью и не подозревали, что где-то рядом разворачивается другая история — где ставки выше, чем оценки в журнале. Я знала. И сегодня я не хотела останавливаться.

Глава 8. Двадцать два

Приближался конец четверти, и школа вдруг вспомнила, что мы не просто существуем, а ещё должны что-то сдавать, доказывать и показывать.

Проект по биологии висел надо мной, как грозовая туча. Ленка пришла ко мне домой, разложила на полу ватман, клей, ножницы и гербарий. Всё это должно было превратиться в проект о паукообразных, но пока лишь превращало мою комнату в место бумажного бедствия.

Она клеила ватман. Я смотрела в окно.

Это стало моим новым ритуалом. Вглядываться в серый прямоугольник двора, в грязные стены, пустые качели, припаркованные машины. Искать среди них один знакомый силуэт — тёмный, низкий, будто прижавшийся к асфальту зверь.

— Ты вообще слушаешь? — Лена бросила клей-карандаш, и тот покатился по полу. — Кира, алло? Я говорю, Смирнов на меня сегодня смотрел. Как думаешь, у него есть шанс?

Смирнов. Брекеты. Прыщи. Шансов не было даже у теории вероятности.

— Угу, — промычала я, поправляя штору так, чтобы лучше видеть въезд во двор.

— Да что с тобой такое?

Лена подошла ближе. В её голосе больше не было раздражения. Только тревога. Она посмотрела на меня внимательно, и я вдруг увидела ту самую Ленку, которая в первом классе делилась со мной бутербродами, в пятом утешала, когда мальчишки смеялись над моими ушами, а в восьмом первая сказала: «Не бойся. Я с тобой».

— Который день сама не своя, — тихо сказала она. — Бледная, глаза горят. Ты влюбилась?

Вопрос повис между нами. В комнате пахло клеем и сухими листьями из гербария. Влюбилась ли я? Это слово казалось слишком мягким. Слишком обычным.

Влюблённость — это валентинки, записки на уроках, смешки в коридоре. Это когда ждёшь сообщения и улыбаешься экрану. А то, что происходило со мной, было совсем другим.

Каждый раз, когда Костя смотрел на меня своими зелёными глазами, внутри словно проходил электрический разряд. Это было похоже на то, как стоять на краю крыши и знать, что можешь сорваться — и всё равно не хотеть отходить.

— Типа того, — уклончиво ответила я.

Ленка тут же насторожилась.

— Кто он? Из нашей школы? Только не говори, что этот лось из одиннадцатого «А».

— Нет.

Я помолчала.

— Он старше.

Лена присвистнула.

— Насколько?

— Двадцать два.

Тюбик клея выскользнул из её руки и упал на паркет. Лена смотрела на меня несколько секунд.

— Двадцать два?!

В её лице одновременно появились шок, страх и злость. Не на меня даже. Скорее на то, что она не заметила раньше.

— Кир, ты сбрендила?

Она взяла меня за руку. Не грубо. Просто не дала отвернуться.

— Ты понимаешь, что происходит? Ему двадцать два. А ты в десятом классе. Он кто? Студент? Работает? Ты хоть что-нибудь о нём знаешь?

— Он работает.

Я сама услышала, насколько неуверенно это прозвучало. Потому что кем именно он работал, я не знала.

— Работает, — повторила Лена.

В одном этом слове было столько недоверия, что его хватило бы на десять вопросов.

— Стоп, это случайно не тот стрёмный парень, которого я видела пару раз у школы?

Я молчала. Лена сузила глаза.

— Взрослый мужик катает школьницу. Тебе самой не кажется, что ему что-то нужно?

— Он не такой.

— А какой?

Я замолчала.

— Он не такой, — повторила я.

— Они все «не такие», — резко сказала Лена.

Она замолчала. Села на край кровати и посмотрела на меня уже совсем иначе.

— Кир. Послушай меня внимательно. Я скажу один раз.

Я почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Такие мужики ничего не делают просто так. Никогда. Он тебя подвозит — зачем? Кофе тебе покупает — зачем? Приезжает к школе — зачем?

— Он просто…

— Что?

Я не нашла ответа.

Лена продолжила:

— Ему нужно, чтобы ты была рядом. Милая, послушная, чтобы не задавала лишних вопросов. А потом ты ему надоешь, и он просто исчезнет. А ты останешься и даже не поймёшь, что произошло.

— Ты его не знаешь.

— А ты знаешь?

Она посмотрела прямо мне в глаза.

— Как его фамилия?

Я промолчала.

— Чем он занимается?

Тишина.

— Где живёт?

Я отвела взгляд.

— Ты хоть адрес его знаешь?

Нет. Я не знала ни адреса, ни фамилии. Только номер телефона, который он сам мне дал.

— Вот видишь, — тихо сказала Лена.

В её голосе не было торжества.

Только боль.

— Ты не знаешь его, Кира. Ты знаешь только, как выглядит его машина и что он говорит тебе, когда ему нужно, чтобы ты осталась.

Я хотела огрызнуться. Хотела сказать, что Лена ничего не понимает. Что она не видела, как Костя смотрит на меня. Как учит меня водить. Как говорил о тишине. Как однажды признался, что хочет проснуться утром и знать, что никто не придёт к нему с вопросами. Я хотела сказать всё это. Но за окном мелькнул знакомый тёмный силуэт. И все слова исчезли.

— Лен, тебе пора, — быстро сказала я. — Мама скоро придёт.

— Кир…

Лена остановилась в дверях. Она посмотрела на меня, и в её глазах было что-то такое, от чего мне стало стыдно. Не страх. Не злость. Преданность.

— Ты же знаешь, что я всегда за тебя?

Я кивнула.

— Что бы ни случилось. Но если почувствуешь, что что-то не так… по-настоящему не так… ты мне скажешь?

Я сглотнула.

— Обещаю.

И это было самым честным, что я сказала за весь день.

— Пока.

Дверь закрылась. Я сразу метнулась к окну. Он стоял внизу и разговаривал по телефону. Даже сквозь закрытое окно я слышала его голос — низкий, рокочущий, уверенный. Короткие фразы. Резкие, почти рубленые. Костя никогда не кричал. Ему это было не нужно.

В его голосе и без того было что-то такое, от чего люди слушались. Не спорили. Не переспрашивали. Власть. Будто она была у него от рождения — такая же естественная, как рост или цвет глаз. Он закончил разговор.

Несильно пнул колесо машины, словно просто сбрасывал напряжение. Потом поднял голову. И посмотрел прямо на моё окно. Я замерла. Он не мог меня видеть — между нами были второй этаж, стекло, штора.

Но я всё равно отшатнулась в тень и прижалась спиной к стене. Сердце забилось так сильно, что я испугалась: вдруг он услышит. И в этот момент я уже знала, что через минуту снова буду внизу.

Глава 9. Кино

Через минуту я уже была внизу.

Я села, и знакомый запах окутал меня — запах, который стал моей точкой отсчёта, границей между двумя жизнями.

— Ты чего такая задумчивая? — спросил Костя вместо приветствия.

Он не повернулся, смотрел в зеркало заднего вида. Я подумала, что он, наверное, проверяет, нет ли за нами хвоста.

— Думала… ты сегодня занят, — ответила я.

На самом деле я думала совсем о другом. Что он не приедет. Что однажды просто не появится. Что всё это может закончиться так же внезапно, как началось.

Костя усмехнулся, но глаза остались серьёзными.

— Хочешь посмотреть фильм?

Мы иногда ездили в полупустой кинотеатр на окраине, где нас почти никто не знал. Сам фильм потом обычно стирался из памяти. Я больше замечала его профиль в свете экрана, движения рук, короткие фразы, которые он шептал мне во время сеанса.

Но сегодня всё пошло иначе.

Прежде чем тронуться, Костя достал телефон и набрал номер. Его голос сразу изменился — стал жёстким, деловым, чужим.

— Да, это Зверь… Всё готово? Отлично. Кира сейчас

подъедет.

Он убрал телефон и посмотрел на меня. В этом взгляде снова появился тот Костя, которого я знала по поручениям.

— Слушай внимательно. Нужно забрать флешку. Адрес напишу. Там парень. Скажешь ему: «Дождь». Он отдаст. Потом поедешь к кинотеатру «Салют». Я буду ждать.

Я почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось.

— Что на ней?

— Тебе не нужно знать.

— А если меня спросят, кто послал?

Он посмотрел прямо на меня. Не зло и не мягко — просто оценивающе.

— Скажешь правду. Что не знаешь. Ты и правда не знаешь.

И почему-то именно это прозвучало страшнее угрозы. Потому что было правдой. Я помолчала, потом спросила:

— А если бы я отказалась?

Костя замер. Несколько секунд он смотрел куда-то перед собой, будто обдумывал ответ.

— Тогда я бы пошёл один, — сказал он наконец. — И смотрел бы фильм без тебя.

Я не поняла, почему от этих слов стало легче. Наверное, потому что он не давил. Не говорил, что я должна. Не пугал последствиями. Просто оставлял выбор. И я всё равно выбрала выйти из машины.

Адрес был написан на клочке бумаги, который Костя су-

нул мне в руку, когда высаживал за углом. Промышленная, 14. Подвал. Дверь справа. Ниже — одно слово: Дождь. Улица оказалась пустой. Фонарь над входом мигал, и из-за этого тени на стене дёргались, словно жили своей жизнью. Я остановилась перед дверью, чувствуя, как пальцы в перчатках становятся непослушными. Мне было страшно.

Не так, как бывает страшно в темноте или перед контрольной. Это был другой страх — взрослый, настоящий. Тот, который появляется, когда понимаешь: если сейчас не развернёшься и уйдёшь, никто не сможет сказать, что это была случайность.

Я всё-таки открыла дверь.

В подвале пахло плесенью, мокрым бетоном и чем-то резким, химическим. Голые кирпичные стены уходили в полумрак. Под потолком покачивалась единственная лампочка, и от каждого движения воздуха тени ползли по стенам.

Парень стоял у стола. Он долго смотрел на меня, прежде чем заговорить. Слишком долго.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — ответила я.

Он усмехнулся.

Похоже, не поверил. Флешка лежала на столе. Он подвинул её ко мне, но руку не убрал.

— Скажи Зверю, что Дрозд просит больше не присылать детей.

Слово «детей» застряло в моей голове. Он назвал меня

ребёнком. Я ничего не ответила. Просто забрала флешку и вышла. На улице холодный воздух ударил в лицо, и я только тогда поняла, что всё это время почти не дышала. Вызвала такси и поехала к «Салюту», сжимая флешку в кармане.

Кинотеатр встретил меня полупустым холлом и тяжёлым запахом попкорна. Костя уже ждал у входа. Он сразу посмотрел на мою руку.

— Принесла?

Я достала флешку. Он забрал её, спрятал во внутренний карман куртки и только после этого позволил себе немного расслабиться.

— Молодец.

Всего одно слово. А потом он протянул мне билет.

— А теперь забудем про это.

Я посмотрела на билет.

— Правда?

— Сегодня хороший фильм.

Мы вошли в зал. Свет погас, экран ожил, и на несколько минут всё действительно стало проще. Я сидела рядом с ним и смотрела на экран, почти не понимая, что происходит. Где-то совсем рядом была его рука на подлокотнике. Он не касался меня. Но я чувствовала его присутствие.

И постепенно подвал, тот парень, флешка и его слова о детях отступили куда-то далеко. Я ненадолго позволила себе забыть. Не потому, что опасности не существовало. А потому, что рядом с ним мне почему-то хотелось сделать вид,

будто её нет.

Ленка говорила: будь осторожнее. И, наверное, она была права. Только осторожность — это про сердце. А моё сердце уже не осторожно.

— Ну что, понравился фильм? — тихо спросил Костя, когда на экране пошли финальные титры.

Я посмотрела на него. Я не помнила ни одного кадра. Только покачала головой. Он усмехнулся.

И от этой простой усмешки мне вдруг стало тепло — почти по-домашнему, как от кружки чая в зимний вечер. А за стенами кинотеатра оставалась та жизнь, в которой я уже успела перейти несколько границ.

И пока я ещё не знала, сколько их будет дальше.

Глава 10. Никто

После фильма мы вышли на улицу.

Город встретил нас привычной ночной тишиной — не уютной, домашней, а настороженной. Фонари разбросали по асфальту жёлтые круги света, редкие машины проносились мимо и растворялись в темноте.

Я всё ещё чувствовала внутри напряжение. Но сейчас, мне хотелось хотя бы на несколько минут притвориться обычной девчонкой, которая сходила в кино, поела попкорна и теперь возвращается домой.

Мы подошли к БМВ. Костя щёлкнул брелоком, двери тихо разблокировались. Но он не сел. Положил ладонь на крышу машины и замер, глядя куда-то перед собой. Я остановилась рядом. Что-то было не так.

Обычно Костя двигался уверенно, почти не задумываясь. Сейчас же в нём появилась какая-то неподвижность, от которой мне стало тревожнее, чем от любого его крика.

Он всё-таки сел за руль. Но двигатель не завёл. Не включил музыку. Просто положил руки на руль и несколько секунд смотрел через лобовое стекло. Пальцы медленно сжались.

— Ты не должна была соглашаться, — сказал он тихо.

Я повернулась к нему.

— Что?

— Ни в первый раз. Ни сейчас.

В его голосе не было ни злости, ни упрёка. Только усталость. Я хотела ответить привычное: что он сам попросил, что я могла отказаться, что ничего страшного не произошло. Но почему-то не смогла.

— Почему? — спросила я. — Ты же сам меня просил.

Костя некоторое время молчал. Потом посмотрел на меня. В полумраке салона его глаза казались почти чёрными.

— Потому что ты вообще не должна была становиться частью этого.

Он говорил медленно, будто каждое слово приходилось вытаскивать из себя.

— Я втянул тебя, потому что мне было удобно. Ты не задаёшь лишних вопросов. На тебя можно положиться. Ты делаешь то, что я прошу.

Я опустила взгляд. Вот оно. То, что я не хотела слышать. Все эти дни я пыталась найти в его просьбах что-то личное. Думала, что он доверяет именно мне. Что выбирает меня не только потому, что так проще. А он сейчас говорил совсем о другом.

— Я не жалею, — сказала я.

Костя поднял глаза.

— Не надо.

— Я серьёзно. Я могла отказаться. Я знала, на что иду.

Он усмехнулся. Но улыбкой это назвать было сложно.

— Вот это и есть самое страшное.

Он снова посмотрел на руль.

— Не то, что ты могла отказаться. А то, что не отказалась.

Его пальцы сильнее сжали обод.

— Ты сделала это ради меня.

Я ничего не ответила.

— И от этого мне хочется разбить этот чёртов руль, — тихо продолжил он. — Я не стою того, чтобы ты рисковала из-за меня.

В салоне стало совсем тихо. Я смотрела на его руки. На побелевшие костяшки. На то, как он держит руль, будто пытается удержать не машину, а самого себя. И вдруг спросила:

— А кто стоит того, чтобы ради него рисковали?

Костя поднял голову. Я сама не знала, почему задала этот вопрос. Наверное, потому что думала об этом уже давно. Кто вообще достоин того, чтобы ради него переступать через страх? Через правила? Через себя?

Костя медленно разжал пальцы. Провёл ладонью по рулю и только потом посмотрел на меня. Сейчас он выглядел совсем не так, как обычно. Не Зверь. Не человек, которого боятся. Просто уставший мальчишка, который на секунду перестал прятать то, что у него внутри.

— Никто, — сказал он.

Я ждала продолжения.

— Никто не стоит того, чтобы кто-то ломал из-за него свою жизнь.

Он помолчал.

— Но люди всё равно это делают. Каждый день.

Костя завёл двигатель. Ровный гул мотора заполнил салон, возвращая привычные звуки и будто закрывая за нами дверь в этот разговор. Но трогаться он не спешил. Несколько секунд смотрел вперёд. Потом сказал уже обычным голосом:

— Поехали. Я отвезу тебя домой.

Я кивнула. Мои руки постепенно расслабились. Машина выехала на пустую улицу. Я смотрела в окно и думала о том, что только что впервые увидела его настоящего. Человека, которому тоже бывает страшно. Которому тоже тяжело. Который, возможно, впервые признался вслух, что не хочет, чтобы из-за него кто-то страдал.

Я столько раз представляла, как он скажет мне что-то хорошее. Что-то вроде: «Ты самая смелая», или «Я без тебя не справлюсь», или даже просто: «Спасибо». Но я никогда не думала, что самым честным его признанием окажется совсем другое. Что он виноват.

И теперь я боялась уже не только за себя. Я боялась за него.

Глава 11. До свидания, Костя Зверев

Прозвенел звонок с последнего урока четверти, и школьные коридоры взорвались шумом. Все торопились домой — впереди были каникулы, ёлки, мандарины, подарки. Кто-то смеялся, кто-то уже обсуждал планы на вечер. В воздухе было то самое предчувствие праздника, от которого обычно становилось легко.

Я стояла у своей парты и медленно складывала учебники в рюкзак. Сегодня Костя должен был приехать за мной в четыре. Он сказал это так уверенно, будто речь шла не о планах, а о чём-то неизбежном. Сейчас часы показывали без пяти пять.

Я знала этот сценарий наизусть: он занят «делами», которые важнее всего на свете. Важнее моих ожиданий, важнее наших планов. И каждый раз я пыталась убедить себя, что всё нормально, что он не обязан подстраиваться под меня, что у него своя жизнь, свои правила. Но сегодня эта привычная логика не работала. Сегодня обида была слишком острой, слишком настоящей, чтобы её можно было спрятать за разумными объяснениями.

— Кира! Ты с нами?

В дверях стояла Настя. В руках у неё был пакет с манда-

ринами, и от этого простого, уютного образа мне вдруг стало особенно горько.

— Мы идём покупать ёлку! Давай с нами. Ты же всегда хотела посмотреть, как выбирают самую пушистую.

Я улыбнулась. Получилось плохо.

— Не могу. У меня планы.

Слово прозвучало почти насмешкой. Какие планы? Человек, с которым я должна была их строить, даже не посчитал нужным предупредить, что всё отменилось.

— Ладно, — Настя пожала плечами. — Тогда завтра.

— Конечно.

Она ушла. Я осталась ещё на несколько секунд в пустеющем классе, потом закинула рюкзак на плечо и вышла.

Телефон завибрировал. Я мгновенно достала его. Не Костя. Мама.

«Кира, ты где? Уже шестой час!»

«Мам, прости, задержалась немного. Еду домой».

На улице снег валил густо, почти стеной. Крупные хлопья оседали на ресницах, таяли на щеках. Я не стала проверять, снег это или слёзы. Холод обжигал лёгкие.

И именно тогда я увидела его. Тёмно-синий БМВ стоял через дорогу.

Сердце дёрнулось — сначала от облегчения, потом от злости. Костя сидел за рулём, склонившись над телефоном. Я подошла к машине.

Он заметил меня только тогда, когда я оказалась рядом.

Стекло опустилось с тихим жужжанием, и он бросил короткий взгляд — не удивлённый, не виноватый, а такой, как будто видел меня всего час назад и ничего особенного в этой встрече не было.

— Садись, отвезу тебя до дома, — сказал он, и голос его звучал отстранённо, ровно, таким голосом обсуждают погоду или расписание автобусов.

— А почему не сразу после уроков? — спросила я, стараясь говорить спокойно. — Обещал же…

Костя пожал плечами так небрежно, так легко, что мне захотелось ударить его. Хотелось, чтобы он почувствовал хоть каплю того напряжения, которое разрывало меня изнутри.

— Появились дела. Извини, — бросил он, и это «извини» прозвучало не как признание вины, а как формальность, как слово, которое нужно сказать, чтобы закрыть тему.

Мы доехали до моего подъезда в полном молчании. Машина остановилась, дворники с монотонным ритмом сгоняли снег с лобового стекла, и этот звук заполнял тишину, делал её ещё тяжелее. Он не смотрел на меня, не пытался что-то объяснить, не искал слов. Просто ждал, пока я выйду, словно это была самая обычная поездка, самая обычная ситуация, не стоящая ни лишних слов, ни лишних эмоций.

— До свидания, Костя Зверев, — бросила я, выходя из машины. Слова прозвучали как точка, поставленная там, где должна была быть запятая.

Он ничего не ответил. Не остановил. Не попытался ничего

объяснить. Просто сидел, глядя вперёд.

Я потянула ручку подъезда, вошла внутрь. Обернулась напоследок и увидела вдалеке только красные огни его машины, растворяющиеся в снежной пелене. Уехал. Я закрыла дверь, отрезав себя от улицы, от снега, от него. Подъезд был тёмный, пах краской и холодом. Я постояла в нём минуту, может две, ожидая — не вернётся ли. Не вернулся.

На кухне горел тёплый свет — мягкий, желтоватый, тот, какой бывает только дома.

Я сняла ботинки, поставила их на коврик, стараясь не шуметь, чтобы не выдать, как сильно дрожат руки. Пальцы не слушались, но они онемели не от уличного холода, а от той тяжести, которую я принесла с собой.

На столе стояла коробка с мандаринами. Ярко-оранжевые, глянцевые, они выглядели до нелепого счастливыми. Их цвет казался почти вызывающим на фоне серых сумерек, затянувших комнату. Рядом лежала записка, написанная маминым почерком — крупным, округлым, немного детским:

«Для нашей ёлки. Пусть у нас будет волшебный праздник».

Я медленно подошла, провела пальцем по краю коробки. Взяла один мандарин, покрутила в пальцах, кожура была прохладной, чуть шершавой. Они пахли Новым годом, детством, тем временем, когда всё было просто: ты приходишь из школы, ешь мандарин, смотришь мультики, и никто не заставляет тебя быть взрослой раньше времени.

Я опустилась на пол. Подтянула колени к груди и уткнулась в них лбом. И только тогда позволила себе заплакать. Тихо. Без рыданий. Просто слёзы, которые весь день стояли где-то внутри и наконец нашли выход.

Я плакала не только из-за Кости. Мне было больно от того, как сильно хотелось самого обычного счастья. Такого, которое помещается в коробку мандаринов и одну мамину записку. Где не нужно быть сильной. Не нужно понимать чужие дела. Не нужно решать, кому доверять. Можно просто быть девочкой, которая ждёт праздника.

Телефон завибрировал на столе. Я подскочила так, что мандарин выскользнул из рук и покатился по полу. Сердце заколотилось — неизвестный номер. Это он.

«Привет. Это Лена. Новый номер».

Не он. Я выдохнула, и выдох вышел рваным, как будто я задерживала дыхание, не замечая этого.

Ответила Лене: «Привет. Супер!».

Положила телефон экраном вниз.

Я взяла одну дольку, положила в рот, и её вкус вдруг показался мне самым настоящим из всего, что происходило в последние дни. Сладкий, немного кислый, живой. Он вернул меня в тело, в эту кухню, в этот вечер, где не было ни флешек, ни кодовых слов, ни чужих дел. Был только мандарин, тишина и право на то, чтобы сегодня не быть героиней. А завтра… может быть, завтра мы просто найдём ветку и нарядим её. И этого будет достаточно.

Утром я проснулась от тишины — густой, плотной, накрывшей комнату, как одеяло. Мама уже ушла на работу. На кухне стояла тарелка с очищенными мандаринами, прикрытая салфеткой, и рядом ещё одна записка: «Поешь, когда проснёшься. Люблю тебя».

Я подошла к балконной двери. Стекло было запотевшим, и на нём проступали тонкие узоры. Провела пальцем, стёрла туман, потянула ручку. Дверь открылась с тихим скрипом, выпуская тёплый воздух и впуская морозную свежесть.

И я замерла.

Двор был белым, заново нарисованным. Снег припорошил всё — крыши, скамейки, машины, старые качели во дворе. Кто-то оставил следы ботинок, пересекающих двор по диагонали, и рядом — отпечатки птичьих лапок на свежем снегу.

Я вдохнула морозный воздух, и легкие обожгло холодом, но это было хорошее чувство. Мир не застыл навсегда. Он жил, двигался, дышал. И мне тоже предстояло выйти, пойти по своим делам. Но сегодня можно было просто постоять и подышать.

Закрыла дверь. Тишина была хорошей. Моей.

Глава 12. Пей осторожно

Новый год я встречала в тесной кухне нашей квартиры. Мама суетилась у плиты, на столе стояли тарелки, салфетки, в центре возвышалась ваза с мандаринами. Пахло оливье и горячим хлебом, который мама поставила в духовку в последнюю минуту — хотела, чтобы этот запах стал главным воспоминанием вечера. Кухня казалась слишком маленькой для праздника, но в этом была своя магия.

— Кира! — позвала мама из коридора. — Ты не забыла надеть серёжки? Без них платье выглядит незавершённым!

Я посмотрела на себя в зеркало, которое мама специально вынесла в коридор. Каштановые волосы собраны в небрежный пучок. Платье красивое, струящееся, с лёгким блеском. Но мне казалось, что оно сидит как-то неправильно, что оно предназначалось для другого вечера. Для той Киры, которая верила, что дверь распахнётся, и на пороге появится он, просто чтобы сказать: «Я здесь. Прости, что задержался».

«Костя даже не позвонил», — думала я, глядя на телефон, который лежал рядом с тарелкой на самом видном месте. Экран оставался тёмным и холодным, и эта неподвижность казалась почти оскорбительной.

Бой курантов застал меня за нарезанием лимона к чаю — абсурдно будничное занятие посреди самого волшебного момента года. Лезвие ножа скользило по жёлтой кожуре, и этот

звук — тихий, ровный, почти механический — казался мне громче самого боя часов. Когда все начали обниматься, кричать «С Новым годом!», смеяться, целоваться, делиться обещаниями и мечтами, я просто улыбнулась — улыбкой, которую тренировала перед зеркалом, чтобы она выглядела настоящей. Подняла бокал, чувствуя, как стекло холодит пальцы, и сказала:

— С Новым годом! Пусть он будет лучше старого…

Мама поймала мой взгляд и сжала мою руку под столом — крепко, но так, чтобы никто другой не заметил. В этом прикосновении было столько понимания, столько тихой любви, что на секунду мне захотелось всё ей рассказать. Но мы никогда не говорили о Косте напрямую. Некоторые вещи слишком хрупкие, чтобы произносить их вслух.

После полуночи я сбежала из душного дома. В наушниках играла грустная музыка — та, которая не обещает утешения, но позволяет чувствовать, что твоя грусть не одинока.

На ресницы ложился снег. Город сиял огнями, витрины переливались гирляндами, люди смеялись, целовались, бросали конфетти. Весь этот праздник казался одновременно чужим и до боли знакомым.

Вдруг кто-то схватил меня за плечо.

— Эй, Кира, привет!

Ленка и Настя стояли рядом, укутанные в тёплые шарфы, лица раскраснелись от мороза. В руках у них были пакеты, из которых выглядывали бутылки и какие-то свёртки — види-

мо они собирались не просто гулять, а устраивать свой собственный маленький праздник.

— Мы идём к ёлке, там тусовка, куча народа… Пойдёшь?

Я кивнула. Может быть, это был шанс забыть про него хотя бы на одну ночь. Не стереть из памяти, не притвориться, что ничего не было, а просто дать себе передышку, позволить себе смеяться над глупыми шутками, фотографироваться на фоне заснеженных фонарей.

Мы шли через парк, снег хрустел под ногами, фонари отбрасывали длинные тени. Мы смеялись, делали селфи, пытаясь поймать в кадр и снег, и огни, и наши раскрасневшиеся лица — хотели сохранить этот момент. Спрятать его в телефоне, чтобы потом, когда станет грустно, можно было достать и сказать себе: «А ведь был вечер, когда мне было хорошо».

Городская ёлка была огромной, переливалась всеми цветами. Люди водили хороводы, пили горячий чай из термосов, запускали фейерверки. Здесь, среди этого шума и света, можно было почти поверить, что Новый год действительно стирает старые ошибки и даёт шанс начать заново.

Телефон завибрировал. Я выхватила его, и экран вспыхнул, на секунду ослепив.

«С Новым годом!» — высветилось имя мамы. Тёплое сообщение, от которого на душе стало спокойнее.

А ниже, от неизвестного номера: «Пей шампанское осторожно, а то простудишься».

Это мог быть только он. Короткое сообщение, лишённое эмоций или извинений, без «прости», без «скучаю», без всего того, что я так хотела увидеть. Просто напоминание о том, что он знал, где я, и наблюдает издалека. Знает, что я могу забыть про холод, про осторожность, про всё, кроме своих чувств.

Я убрала телефон. Руки дрожали — не от мороза, а от этого странного, горького чувства: он помнит. Он знает. Но этого недостаточно.

Ленка потянула меня к ёлке:

— Давай встанем в хоровод! Ну, хоть пять минут! Потом пойдём греться, обещаю!

Я стояла в хороводе, держа чьи-то руки, и снег падал на ресницы, на шарф, на чужие плечи. Ленка кричала что-то про шампанское, Настя смеялась, а телефон в кармане молчал. Я не доставала его. Просто стояла, двигалась вместе со всеми, и чужие руки грели мои.

Полночь прошла. Ёлка горела. Мандарины пахли.

Глава 13. Падающая звезда

После хоровода Ленка схватила меня за рукав:

— Всё, хватит холода! Пошли в кофейню на углу — там в Новый год пекут булочки с корицей, и аромат такой, что ноги сами туда несут.

Настя закивала, прижимая к себе пакет с термосом:

— И горячий шоколад! Я прямо чувствую, как он мне сейчас нужен.

Я хотела сказать, что мне пора домой, что мама волнуется. Но Ленка просто взяла меня за руку — крепко, по-дружески, без лишних вопросов. Знала: сейчас мне не нужны слова, мне нужно, чтобы кто-то просто не отпускал мою ладонь.

Маленькая кофейня была почти такой, какой я её помнила: тесная, уютная, с деревянными столиками и крошечными новогодними фонариками. Главным здесь был запах — густой, тёплый, обволакивающий: корица, ваниль, свежая выпечка.

Мы устроились за столиком у окна. Снаружи по-прежнему кружился снег, фонари отражались в мокром асфальте, а здесь было так тихо и спокойно. Официантка принесла три чашки горячего шоколада — густого, с шапкой взбитых сливок, и тарелку с булочками, от которых шёл пар.

— Смотри, как красиво, — сказала Настя, указывая на окно. — Похоже, что кто-то пишет нам тайные письма, а по-

том сразу стирает.

Ленка усмехнулась:

— Главное, чтобы эти письма были хорошими. А если нет — мы их не читаем. Сегодня у нас правило: никаких плохих новостей.

Я откусила кусочек булочки. Корица рассыпалась на языке пряным теплом, и вдруг тяжесть, которую я носила столько дней, перестала давить так сильно. Не исчезла, но нашла себе место — где-то снаружи, за пределами этого столика, этого света, этого запаха.

Когда часы на стене показали почти три, мы начали собираться. Настя зевнула, натянула шарф до самых глаз:

— Пора по домам. Родители уже, наверное, думают, что мы в снежном лабиринте заблудились.

Ленка обняла меня на прощание — крепко.

Подруги ушли, растворились в снежной темноте, оставив после себя только лёгкий шлейф запаха шарфов. Я ещё немного посидела в кофейне, допила остывший шоколад. Потом вышла на улицу.

Город уже не гудел. Ёлка переливалась, но вокруг неё было пусто. Снег продолжал падать, но теперь он ложился мягко, без суеты.

Я остановилась, подняла голову. Небо было неожиданно чистым — глубоким, усыпанным звёздами. И вдруг одна звезда сорвалась и полетела вниз, оставляя тонкий светящийся след.

Падающая звезда.

Раньше я бы загадала что-то большое и отчаянное: «Пусть он меня полюбит». Но сейчас, стоя на тихой улице, вдыхая морозный воздух, я поняла, что не хочу просить о чужом. Я хочу попросить о своём.

— Пусть я научусь быть счастливой даже тогда, когда всё идёт не по плану, — прошептала я. — Пусть я смогу радоваться булочке с корицей, снегу на ресницах, смеху подруг. Пусть я позволю себе не ждать чуда, чтобы почувствовать, что день хороший.

Звезда исчезла, растворилась в темноте. Я постояла ещё секунду, потом повернулась и пошла домой. Снег хрустел под ногами, и запах корицы ещё держался в шарфе.

Я проснулась от звука, который невозможно было игнорировать. В окно что-то звонко ударило. Я вздрогнула и приоткрыла глаза. Через несколько секунд удар повторился — чуть сильнее. Кто-то бросал в стекло маленькие комки снега.

Ещё несколько мгновений я лежала, пытаясь понять, мне это снится или нет. Было раннее утро первого января. Квартира стояла в той особенной тишине, которая бывает только в первые часы нового года, когда город ещё не успел проснуться. Всё вокруг казалось приглушённым.

Я лежала под одеялом и чувствовала тяжесть во всём теле. Наверное, так отзывалось вчерашнее шампанское, бессонная ночь и вся эта праздничная суета. В окно снова прилетел снежок. Я нехотя поднялась и раздвинула шторы.

Внизу, около машины, стоял он. Костя Зверев. Его куртка была покрыта снегом, голова припорошена белыми хлопьями, а сам он выглядел так, словно провёл ночь где-то между улицами и тенями — усталый, но упрямый, как всегда. Он смотрел вверх, щурясь от света из моего окна.

Я даже не стала думать, правильно ли поступаю. Просто накинула куртку поверх пижамы, сунула ноги в тапочки и выбежала из квартиры. На лестнице я ещё успела подумать, что это совершенно глупо. На улице мороз сразу впился в ноги. Но мне было всё равно. Костя стоял под моим окном. Ждал. И от этой простой мысли сердце забилось быстрее.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, голос звучал хрипло после бессонной ночи.

Костя поднял руку и показал мне небольшой пакетик, аккуратно перетянутый лентой.

— Подарок для тебя.

Я посмотрела на пакет, потом на него. Он заметил моё выражение лица.

— Знаю, знаю… В последнее время много дел. Но это не повод отказываться от подарка, верно?

Его самоуверенная улыбка всегда немного раздражала меня — эта привычка выглядеть так, будто он точно знает, что делает, даже когда всё летит кувырком. Но сейчас эта улыбка казалась не наглой, а жалкой попыткой загладить вину.

— Ты мог хотя бы позвонить! — выпалила я, уже не сдерживаясь. — Или написать что-то нормальное, вместо твоих

загадочных сообщений про простуду!

Костя нахмурился. Снежинки заискрились на его ресницах.

— А ты думала, я буду звонить тебе посреди тусовки? Чтобы все твои подружки узнали, кто я такой? У меня есть свои правила…

— Ясно, — бросила я, разворачиваясь назад к подъезду, чувствуя, как холод пробирается не только под куртку, но и внутрь, туда, где ещё теплилась надежда, что этот визит — что-то большее, чем просто жест, сделанный для галочки.

— Подожди.

В его голосе прозвучало что-то новое — не привычная небрежность, не привычная уверенность, а усталость и искренность.

— Просто возьми подарок, Кира. Это не связано с работой. Честное слово.

Я колебалась всего секунду. А потом протянула руку, и Костя вложил в неё маленький свёрток, завёрнутый в серебристую бумагу, которая поблёскивала в утреннем свете фонарей.

— Открой, — попросил он, и в этом простом слове было столько напряжения.

В нём оказались наушники — дорогие, стильные, лаконичные. В тон моему новому фотоаппарату, о котором я недавно рассказывала ему во время одной из тех редких, почти нормальных бесед, когда мы не говорили про дела, про

поручения, про чужие секреты, а просто болтали о мелочах, которые почему-то казались самыми важными.

— Как ты узнал? — начала было я, чувствуя, как злость уступает место растерянности, а растерянность — чему-то похожему на благодарность, которую я пока не готова была назвать вслух.

Костя оборвал меня жестом руки.

— Не спрашивай. Просто знай, что я слушаю. Всегда.

И прежде, чем я успела ответить, он развернулся и зашагал прочь, оставляя чёткие следы в свежем снегу. Я стояла в тапочках на морозном крыльце, сжимая в руках подарок, и смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол.

Глава 14. Горячий шоколад

Костя не исчез после новогодней ночи. Он вернулся к своему привычному ритму: редкие звонки, внезапные появления, сообщения с неизвестных номеров.

Но теперь в этом ритме что-то изменилось. Раньше за каждым его появлением почти обязательно следовало поручение, просьба или разговор, который лучше было не запоминать. Теперь между всем этим появлялись мелочи.

Небольшие. Почти незаметные. Но я их замечала. Однажды вечером он приехал почти через час после обещанного времени. Я стояла на крыльце, укутавшись в шарф так плотно, что едва могла повернуть голову. Когда наконец увидела знакомую машину, первой мыслью было не облегчение, а злость.

— Ты опять опоздал!

Костя пожал плечами и открыл мне дверь.

— Дела, принцесса. Ты же знаешь…

Я уже собиралась продолжить спор, но заметила пакет на пассажирском сиденье. Взяла его и села рядом. В салоне пахло его запахом. А внутри пакета оказался горячий шоколад.

— Это тебе, — сказал Костя так, будто речь шла о чём-то совершенно обычном.

Я посмотрела на стакан. Потом на него. Он действительно запомнил. Не только то, что я пью. Не только мои люби-

мые вещи. Он запоминал какие-то мелочи, о которых я сама иногда забывала через пять минут.

И делал это так, будто ничего особенного не происходило. Наверное, именно поэтому я замечала. В другой вечер Костя отвёз меня в старый кинотеатр «Салют». Там показывали чёрно-белый фильм о любви, которую невозможно удержать. О людях, пытающихся сохранить то, что с самого начала обречено ускользнуть сквозь пальцы.

Зал был почти пуст. Мы сели в самом дальнем ряду. В темноте кресла казались ещё темнее, а свет экрана резал пространство на отдельные полосы. Я смотрела фильм, но временами ловила себя на том, что думаю совсем не о сюжете. Когда экран погас перед началом следующей сцены, Костя повернулся ко мне. В полумраке его глаза казались ярче.

— Почему ты до сих пор общаешься со мной?

Я не сразу ответила.

В его голосе не было привычной уверенности. Ни вызова. Только усталость. И что-то ещё — настолько непривычное, что я не сразу поняла, что это уязвимость. Я посмотрела на него. И вдруг поняла, что не хочу прятать ответ за красивыми словами или обидой.

— Ты единственный человек, который понимает меня, — тихо сказала я. — И иногда кажется, что ты знаешь обо мне то, чего я сама не понимаю.

Костя усмехнулся. Но это была не насмешка. Скорее усталость человека, который слишком долго носит на себе чужие

тайны.

Я помолчала, а потом добавила:

— А я знаю только то, что ты позволяешь мне видеть.

Он ничего не сказал.

— И этого мало.

На несколько секунд всё вокруг будто исчезло. Остались только пустые кресла, мерцающий экран и темнота вокруг нас.

Когда каникулы закончились, школа снова стала привычным якорем. Уроки. Коридоры. Звонки. Домашние задания. Обычная жизнь.

Костя по-прежнему приезжал поздно вечером. Иногда писал прямо во время уроков — с неизвестного номера, коротко и без объяснений: «Не ходи сегодня короткой дорогой». Или: «Сегодня снег, надень шарф». Я смотрела на эти сообщения под партой и невольно улыбалась. В них не было объяснений. Не было оправданий. Не было обещаний, что всё станет проще. Только несколько слов.

Но я уже научилась читать между ними то, чего Костя никогда не говорил прямо. Я не знала, куда ведёт эта странная история. Не знала, что будет дальше. Но в тяжёлый день достаточно было увидеть на экране очередное короткое сообщение от него, чтобы внутри становилось немного теплее. И, наверное, именно это пугало меня больше всего.

Глава 15. 6:45

Телефон лежал на столе. Я смотрела на него так, как будто он мог в любую секунду подарить что-то важное — или всё испортить. За окном темнело: сначала небо стало фиолетовым, потом — густо-синим, почти чёрным, и только где-то далеко, над крышами панельных домов, ещё держался тонкий розовый след заката.

Я уже в пятый раз перебирала вещи в шкафу, вытаскивая то одну кофту, то другую, прикладывая к себе перед зеркалом, потом бросая на кровать с раздражённым вздохом. «Что вообще надевают, когда тебя забирают, и ты не знаешь, зачем?»

Серая водолазка казалась слишком скучной. Джинсовая куртка — слишком подростковой. Лёгкая блузка — вообще не для зимы. Я крутилась перед зеркалом, морщилась, отворачивалась, снова тянулась к шкафу. Я раздражённо захлопнула дверцу шкафа.

— Да ладно, — прошептала себе. — Это просто поездка. Просто дорога. Просто…

Я замолчала. Просто он. Я села на подоконник и подтянула колени к груди. Стекло было холодным. Этот холод немного возвращал меня в реальность. С улицы доносились редкие голоса, гудели машины, кто-то смеялся.

Город жил своей обычной жизнью. А я будто зависла меж-

ду двумя мирами — между звонками, сообщениями и этим бесконечным ожиданием.

Телефон коротко завибрировал. Один раз. Я схватила его почти сразу. На экране было всего три строки:

Завтра заберу. Будь готова. 6:45.

Никаких смайликов. Никаких «как ты», никаких «скучаю». Только факты. Короткие, жёсткие, как команды. И от этих слов по коже пробежал не страх — а предвкушение, острое и колючее, как иней на ресницах.

«6:45, — повторила я про себя. — То есть не „может быть“, не „если получится“, а точно. Он уже всё решил. А я… я должна быть готова».

Я снова встала, подошла к шкафу, но теперь уже не металась. Теперь я смотрела на вещи спокойно, видимо, наконец поняла: не важно, что надеть. Важно, что я буду там. В его машине. Рядом с ним. Даже если на пять минут. Даже если он снова скажет что-то небрежное и уедет. В дверь постучали.

— Кира? Ты там жива? Или опять в облаках?

Я узнала голос Ленки. Она вошла почти сразу, как всегда, с пакетом чипсов в одной руке и учебником в другой. Оглядела комнату. Посмотрела на кровать. На шкаф. На меня. И подняла брови.

— Так. Стоп. Что происходит?

Я промолчала.

— Ты обычно за час до сна уже в пижаме и с чаем. А тут

шкаф вывернут, лицо бледное, глаза как у кота, который увидел собаку. Рассказывай.

Я хотела отмахнуться. Сказать, что ничего особенного. Что просто не знаю, что надеть завтра. Но вместо этого молча протянула ей телефон.

Ленка прочитала сообщение. Вернула телефон и посмотрела на меня уже совсем иначе. Без привычной насмешки.

— Ага.

Она села рядом.

— И ты из-за этого не можешь усидеть на месте?

Я кивнула. Ленка поставила чипсы на стол.

— Слушай, — сказала она тихо. — Если ты правда хочешь с ним общаться, я буду рядом. Я не буду смеяться и говорить, что он тебе не пара.

Я подняла глаза.

— Но, если тебе когда-нибудь станет не по себе — скажи мне.

Она говорила совершенно серьёзно.

— Сразу. Даже если тебе самой покажется, что это глупость. Даже если я буду на уроке. Просто скажи: «Мне не по себе». И я всё брошу.

У меня защипало глаза. Не от страха. От того, что кто-то наконец увидел мою тревогу и не стал над ней смеяться.

— Спасибо, — тихо сказала я. — Просто… он такой другой. И я не знаю, что он думает. Не знаю, зачем я ему.

Ленка пожала плечами.

— Может, тебе и не нужно знать прямо сейчас.

Она немного помолчала.

— Но запомни одну вещь, Кир. Ты не обязана терпеть то, от чего тебе плохо. Даже если человек тебе нравится. Даже если он смотрит на тебя так, что ты забываешь, как дышать.

Я невольно улыбнулась.

— Хорошо.

— Хорошо, — повторила она. — А завтра расскажешь, как всё прошло.

Она поднялась, забрала чипсы и направилась к двери. На пороге обернулась.

— И, если он тебя обидит, я его найду и всё выскажу.

— Поняла.

— Вот и отлично.

Дверь закрылась. Я снова села у окна. Темнота за стеклом стала густой. Фонари разлились по двору жёлтыми пятнами. Остался один вопрос. Что будет завтра?

На следующее утро я стояла у окна ровно в 6:40. На мне была та самая серая водолазка. Она оказалась совсем не красивой. Зато в ней было спокойно. Я застегнула куртку. Пальцы немного дрожали. Но это была уже не паника. Скорее предвкушение.

Ровно в 6:45 во двор въехала машина Кости. Я увидела, как она медленно проскользнула между припаркованными автомобилями. Фары на секунду выхватили из темноты заснеженные кусты, скамейку, подъезд. Моё окно. Я не отсту-

пила.

Костя вышел из машины. Хлопнул дверью. Поднял голову. Он знал, что я там. И в этот момент я вдруг поняла: я готова. К дороге. К ветру из приоткрытого окна. К его коротким фразам. К этому странному миру, где всё происходило слишком быстро, но рядом с ним почему-то казалось правильным.

Я схватила рюкзак, накинула шарф и тихо вышла из квартиры. Но, спустившись во двор, остановилась.

В машине был ещё кто-то. На пассажирском сиденье сидел незнакомый мужчина. Высокий. В тёмной куртке. С непроницаемым лицом. Он посмотрел прямо на меня. Не поздоровался. Не улыбнулся. Просто посмотрел. Оценил.

Я сильнее сжала лямку рюкзака. Костя сразу заметил моё замешательство. Подошёл ближе.

— Не бойся. Это Макс. Он со мной.

Я перевела взгляд на машину. Потом снова на Костю.

— Сегодня нужно кое-что сделать. Ты можешь поехать с нами.

Он выдержал паузу.

— Если хочешь.

И добавил:

— Если нет — я отвезу тебя в школу.

Я замерла. В голове сразу прозвучал Ленкин голос: «Если тебе не по себе — скажи».

Я посмотрела на Макса. Потом на Костю. И услышала соб-

ственную мысль: Ты готова. Я глубоко вдохнула.

— Я поеду.

Голос всё-таки немного дрогнул.

— Но, если станет странно, я скажу.

Костя слегка улыбнулся. Не широко. Скорее одобрительно.

— Договорились.

Он открыл заднюю дверь и подождал, пока я сяду, потом сел сам. Макс коротко кивнул мне. Похоже, этого было достаточно.

Я пристегнулась. Двигатель мягко загудел. Двор поплыл за окнами. Машина тронулась, я смотрела на заснеженные дома. Я думала, что самое страшное — это не знать, приедет он или нет. Но оказалось, что страшнее — когда он приехал, и всё идёт не так, как ты себе представляла. Рядом с ним теперь был кто-то ещё.

Человек, который смотрел на меня так, будто пытался понять, кто я и зачем здесь. Но Костя дал мне выбор. И впервые я почувствовала это по-настоящему. Я не была просто пассажиркой в его жизни. Я могла сказать «нет». И меня услышат.

Глава 16. Мост

Машина плавно выкатывалась из спального района, и город менялся на глазах. Панельные многоэтажки уступали место старым кирпичным домам с высокими окнами. Потом — тихим переулкам, где асфальт был в заплатках, а деревья росли так густо, что почти смыкались над дорогой. Здесь не было ярких витрин и рекламных экранов, не было суеты. Только тишина, в которой отчётливо слышался рокот мотора, стук подвески на выбоинах и редкое карканье ворон.

Я сидела сзади, крепко вцепившись в ремень. Искоса поглядывала на Макса. Тот сидел прямо, неподвижно, как статуя, и смотрел на дорогу как на линию фронта. Он почти не говорил. Только пару раз бросил короткие фразы: «Налево», «Тормози тут», «Пропусти эту». И каждый раз Костя кивал, словно эти слова были не советами, а приказами, которые не обсуждают.

Сначала это пугало меня. Макс словно оценивал меня, взвешивал, решал, достойна ли я ехать с ними. Но постепенно я начала замечать детали. То, как он слегка морщился, когда Костя слишком резко входил в поворот. То, как машинально касался кармана, проверяя, на месте ли что-то важное. То, как в какой-то момент он немного ослабил воротник куртки, будто ему стало душно от собственной собранности.

И я вдруг поняла: он не смотрит на меня как на врага. Он

просто привык быть настороже. Для него мир был местом, где опасность могла выскочить из любой тени, и он держал оборону — не против меня, а ради всех нас.

Костя время от времени ловил мой взгляд в зеркале заднего вида. Не улыбался, но в его глазах мелькало что-то вроде: «Всё нормально. Держись». И этого хватало, чтобы страх отступал.

— Куда мы едем? — не выдержала я, когда тишина стала слишком густой.

Костя слегка повернул голову, похоже только сейчас вспомнил, что я вообще здесь.

— Есть одно место. Тебе понравится, — сказал он, спокойно без загадок, но и без лишних объяснений. — Там тихо. И вид хороший.

Макс хмыкнул, но не возразил. Просто снова уставился вперёд, казалось, что он проверял, не появился ли на горизонте кто-то лишний.

Через десять минут машина свернула с главной дороги на узкую грунтовку, заваленную по краям горами снега. Впереди показалась расчищенная площадка, а за ней — старый железнодорожный мост, ржавые фермы которого тянулись над оврагом.

Костя припарковался у обочины, заглушил мотор. Тишина обрушилась на нас, густая, зимняя, пахнущая снегом и морозом.

— Выходим, — сказал Костя, открывая дверь. — Тут

недалеко.

Я выбралась из машины, втянула носом холодный воздух. Макс вышел следом, огляделся, сканируя местность, и только потом кивнул, разрешая двигаться дальше.

Мы шли по тропинке, которую кто-то протоптал вдоль узкой дороги. Я старалась не отставать, но и не идти слишком близко к Косте — я думала, что если я подойду слишком близко, то выдам себя. Покажу, как сильно дрожат у меня пальцы.

Когда мы поднялись на мост, ветер ударил в лицо, резкий, морозный, прогоняющий остатки утренней сонливости. Отсюда открывался вид на весь город: снежные крыши, тонкие нити дорог. Редкие огоньки, которые ещё не погасли с ночи. Внизу, в овраге, текла узкая речка, которая не замерзла, тёмная и быстрая, а над ней висел лёгкий туман.

Я остановилась у перил, вцепилась в ржавое железо. И вдруг почувствовала, как напряжение, копившееся во мне с вечера, начало отступать, растворяться в этом ветре.

— Красиво, — выдохнула я. — Похоже, что весь город — это карта, и ты стоишь над ней.

Костя встал рядом, не касаясь, но так, что я чувствовала его тепло.

— Да, — согласился он. — Отсюда всё кажется проще. Проблемы меньше. А решения… они сами находятся.

Макс отошёл в сторону, оперся о бетонную опору. И тут, неожиданно для всех, он вдруг улыбнулся. Не широко, не

весело, было похоже, что он вспомнил что-то хорошее из далёкого прошлого. Эта улыбка была короткой, почти незаметной, но от неё напряжение в воздухе рассеялось.

— Ты не переживай, — сказал он мне, и голос его звучал мягче, чем раньше. — Тут спокойно. Никто не тронет.

Я кивнула, не зная, что ответить. Но мне стало легче. Он наконец заговорил со мной как с человеком, а не как с чем-то непонятным и неудобным.

Я заметила, как Макс достал из внутреннего кармана маленький сверток и бросил его вниз. Я резко отвернулась, сделала вид, что любуюсь видом, хотя сердце пропустило удар. Пусть думает, что я ничего не видела.

Мы простояли там ещё минут десять. Смотрели на город, слушали ветер. Я считала про себя секунды до того момента, как он снова заговорит, делая вид, что ничего не произошло.

Потом Костя хлопнул себя по карману, достал пачку сигарет, но не стал открывать. Просто покрутил её в пальцах и убрал.

— Пора, — сказал он. — Тебе в школу, мне… дела.

Обратная дорога оказалась совсем другой. Напряжение исчезло. Макс по-прежнему молчал, но теперь его молчание не давило. Оно словно просто берегло тишину.

Костя иногда бросал короткие фразы про город, про старые улицы, про места, которые он помнил с детства. И я слушала, запоминая каждое слово. У школы Костя притормозил.

— Держи, — он протянул мне маленький бумажный стаканчик с кофе. — На перемене согреешься.

Я взяла стаканчик, улыбнулась.

— Спасибо.

— Не опаздывай на первый урок, — поддразнил он, но в голосе не было насмешки. — Королева математики не простит.

Я вышла, закрыла дверь, постояла секунду, глядя на машину. Макс посмотрел на меня из окна и коротко кивнул. Почти незаметно. Но я увидела. И вдруг поняла: я больше не чувствовала себя здесь чужой. Не совсем.

Машина уехала. Я глубоко вдохнула и пошла к школе. Ветер всё ещё шумел в ушах. Кофе постепенно остывал в бумажном стаканчике. А руки оставались тёплыми. И внутри было странное чувство. Не пустота. Наполненность.

Глава 17. Чужие букеты

До Дня святого Валентина оставалось несколько дней, и город словно решил напомнить об этом каждому.

На улицах зажглись розовые и алые огни. Витрины заполнились сердцами, коробками конфет и плюшевыми игрушками. Каждый второй прохожий нёс букет.

Я шла по торговому центру после уроков не потому, что мне нужно было что-то купить. Просто дома в последнее время было слишком тихо. А в толпе можно было спрятаться.

Здесь никто не спрашивал, почему я улыбаюсь через силу. Почему выгляжу уставшей. Почему всё время проверяю телефон.

Вокруг были пары. Они держались за руки, смеялись у витрин, выбирали кольца и сидели в кафе под гирляндами из сердечек. Иногда целовались прямо посреди прохода, будто вокруг вообще никого не существовало.

Я остановилась у большого зеркала в магазине одежды. Но смотрела не на себя. Позади меня девушка смеялась, запрокинув голову, а парень что-то тихо говорил ей на ухо. Я не слышала слов, но видела её лицо. Такое бывает, когда тебе хорошо. По-настоящему.

Я провела рукой по каштановым волосам. Когда-нибудь я тоже буду так. Раньше эта мысль была просто утешением.

«В следующем году». Я повторяла её почти каждый февраль. Но сейчас она звучала иначе.

Мне больше не хотелось всё время быть той, кто смотрит со стороны. Мне хотелось самой оказаться внутри этой жизни. И впервые День святого Валентина казался мне личным. Потому что теперь в нём был Костя.

Он ничего не говорил о своих планах. Вообще редко вспоминал праздники. У него существовал какой-то свой календарь, в котором вместо красных дат были дела, звонки и внезапные поручения.

Я чувствовала, что он не смотрит на меня как на девушку. Но я всё равно ждала. Не цветов. Не огромного букета. Не признания. Мне хватило бы одного сообщения: «Я помню». Или: «Я думаю о тебе». Телефон лежал в кармане куртки. Я то и дело касалась его пальцами. Экран молчал.

Я зашла в кофейню и заказала горячий шоколад — густой, со взбитыми сливками. Села у окна, за стеклом проходили люди. Мимо проехала тёмно-синяя БМВ. Я резко обернулась. Не его. Я выдохнула и снова посмотрела на стол.

Телефон завибрировал. Сердце дёрнулось раньше, чем я успела подумать. На экране было сообщение от неизвестного номера: «Не забудь шапку». Я несколько секунд просто смотрела на эти три слова. Конечно, Костя. И это было всё. Накануне самого романтичного дня года он написал мне только про шапку. Я знала его привычку прятать заботу за короткими фразами. Знала, что он редко говорит прямо.

Но сегодня от этого было особенно обидно.

— О, Кира! Ты одна?

Я подняла голову.

Лена стояла рядом с пакетом покупок. Из него выглядывала коробка в форме сердца.

— Да. Просто гуляю, — ответила я.

Она села напротив.

— Мы с Мишкой завтра в ресторан идём! Столик уже забронирован. Представляешь, он сам всё устроил.

Лена сияла. И я действительно была рада за неё. Только где-то внутри неприятно кольнуло. Завтра она будет сидеть с Мишкой в ресторане. А я… Буду ждать сообщения от человека, который даже сегодня вспомнил только о моей шапке.

— Здорово, — сказала я.

И на этот раз почти искренне. Мы ещё немного поговорили — о школе, экзаменах, зиме, которая никак не хотела заканчиваться. Но я всё равно возвращалась взглядом к телефону. Костя знал, где я. Он почти всегда знал. Почему тогда не мог написать что-нибудь ещё?

Вечером я вернулась домой с пустыми руками. В рюкзаке лежал учебник по математике, который я так и не открыла, и чек из кофейни. Почему-то я его не выбросила. Будто он доказывал, что этот вечер действительно был.

На кухне ждал ужин. Мама приготовила что-то горячее, домашнее, пахнущее так, что от одного запаха стало немного больно. Она посмотрела на меня внимательно.

— Ты сегодня какая-то тихая.

Я пожала плечами.

— Просто устала. Экзамены скоро.

Мама не стала допытываться. Просто налила мне чаю и подвинула тарелку с пирогом.

— Поешь.

Я взяла кусочек. И вдруг поняла, что эта простая забота сейчас значила для меня больше любых цветов. Потому что здесь меня ждали. Здесь замечали, если мне плохо. Здесь не требовали объяснений.

Я всё ещё была обижена на Костю. Мне всё ещё хотелось получить от него что-нибудь большее, чем сухое «не забудь шапку». Мне хотелось, чтобы он увидел во мне не просто девочку, которую нужно предупредить о холоде.

Но я не хотела отдавать этой обиде весь вечер. Счастье ведь не обязано выглядеть как чужой букет. Иногда оно выглядит как мама, которая молча ставит перед тобой чай и пирог.

Я сидела на кухне и смотрела в окно. Сегодня я ждала. И, наверное, именно поэтому так сильно устала. А завтра был День святого Валентина.

На следующее утро я ещё не знала, что ждать мне придётся совсем другого. Но пока я просто сидела за столом, пила остывающий чай и думала о трёх словах на экране: «не забудь шапку».

И почему-то даже в них пыталась найти то, чего там ни-

когда не было.

Глава 18. Не жди

Утро четырнадцатого февраля началось с тишины. Я проснулась и первым делом посмотрела на телефон.

Ни одного сообщения. Ни от Кости. Ни от кого. Я ещё несколько секунд лежала, глядя на пустой экран, будто он мог передумать. Не передумал.

В школе я весь день была как на иголках. На переменах доставала телефон, проверяла уведомления, снова убирала его в карман. Экран оставался пустым.

В столовой девочки обсуждали планы на вечер. Кто-то получил цветы. Кто-то — валентинку. Кто-то собирался на свидание. Я слушала их, улыбалась в нужных местах и делала вид, что мне интересно.

На самом деле моя надежда становилась всё меньше. Не потому, что я ждала чего-то грандиозного. Мне не нужны были сто роз. Я просто хотела, чтобы Костя написал. Хотя бы пару слов.

В шесть вечера я стояла у окна своей комнаты и смотрела, как за стеклом кружится снег. Люди шли по улицам с букетами, и каждый букет казался мне посланием, которое адресовано не мне. Телефон молчал.

Семнадцать процентов зарядки. Я смотрела на цифру и думала: если он напишет сейчас — я увижу. Если через полчаса — может, не увижу. И от этой мысли стало так страшно,

что я перестала смотреть на экран. Будто если не смотреть — значит не дать батарее сесть. Детская, глупая логика, но я цеплялась за неё, как за последнюю верёвку. Около восьми позвонила мама.

— Кира, ты чего такая грустная? Может, пригласишь подруг?

— Нет, мам… просто устала, — соврала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Экзамены скоро, голова кругом.

— Ладно, солнышко. Если потом захочешь просто поболтать — я тут.

Я улыбнулась, хотя она не могла меня видеть.

— Спасибо, мам. Я в порядке. Правда.

Но я не была в порядке. И в эту самую секунду телефон завибрировал — ровно в восемь, словно кто-то специально подгадал момент, когда я уже почти убедила себя, что всё нормально.

От неизвестного номера пришло сообщение: «Не жди меня сегодня». Никаких «прости, дела». Никакого «может, завтра». Просто — не жди. Точка. Отрезано.

Я попыталась объяснить себе, что это просто Костя. Он такой. Не умеет говорить нормально. У него дела. Он привык прятать всё важное за короткими фразами. Но ночью эти объяснения перестали работать.

Я лежала в кровати, уставившись в потолок. По стеклу скреблись ледяные иглы, а ветер гудел в стыках оконной рамы. Время от времени с карниза срывалась тяжёлая снежная

шапка и с глухим шлёпком падала вниз.

Я подтянула одеяло повыше, но оно не грело. За окном город выглядел чужим: фонари размывались в белёсой метели. Где-то далеко проехала машина — её фары на секунду прорезали метель, высветив вихрь снежинок, а потом темнота возвращалась. И вместе с ней — те же вопросы, та же тишина в телефоне, которая теперь казалась громче любого ветра.

На следующее утро я вышла из дома раньше обычного, точно надеялась убежать от вчерашнего дня. Воздух был холодным, резким, он обжигал лёгкие и заставлял чувствовать себя живой.

На углу нашей улицы стояла знакомая БМВ. Я остановилась как вкопанная.

Костя сидел за рулём, скрестив руки на руле, и смотрел на меня через лобовое стекло. Не улыбался. Не хмурился. Просто смотрел — и в этом взгляде было то, что всегда бесило меня больше всего: спокойствие. Будто ничего не случилось. Будто вчера он не отправил мне четыре слова, которые перечеркнули весь день.

Я стиснула зубы и пошла к машине. Не потому, что передумала. А потому, что ноги сами понесли — как всегда, как каждый раз, когда он появлялся, будто между нами была невидимая верёвка, которую он дёргал, а я шла, зная, что иду, и ненавидя себя за это.

— Ты опаздываешь, — бросил он вместо приветствия.

Я села в машину, чувствуя, как во мне всё кипит от обиды, от усталости, от желания быть услышанной. Но вместо крика я тихо произнесла, стараясь не выдать, как сильно дрожит голос:

— Мог бы хоть смску с поздравлением скинуть. Праздник был всё-таки…

Костя завёл двигатель, но никуда не поехал. Он повернул голову ко мне, и его глаза были холодны — как всегда, когда он защищался.

— У тебя вроде нет парня, с чем тебя поздравлять? — бросил он с лёгкой усмешкой.

Удар. Точный. В самое незащищённое место. Я отвернулась к окну, стараясь сдержать слёзы, которые подступали слишком быстро. Я знала этот приём: Костя никогда не извинялся напрямую, не признавал ошибок, не говорил: «Прости, я был не прав». Он просто переводил разговор в другое русло, делал вид, что ничего особенного не произошло.

Машина тронулась с места, но вместо привычного маршрута к школе свернула во двор. Мы остановились у ворот, где через полчаса должен был начаться первый урок.

— Смотри, — сказал он неожиданно мягко, кивнув на заднее сиденье.

Там лежали два огромных бургера в фирменных коробках. Картошка фри и кола. Всё это выглядело до абсурда неромантично. Я не удержалась от короткого смешка. Конечно. Никаких цветов и сердечек. Никаких красивых слов.

Просто два огромных бургера. И почему-то именно от этого внутри стало теплее.

Мы открыли коробки прямо в машине. Пар от еды смешивался с паром, оседавшим на окнах. Несколько минут мы молча ели. Потом Костя посмотрел на школьный двор.

— Знаешь, здесь раньше берёза стояла.

Я проследила за его взглядом.

— Где?

Он показал на место возле здания.

— Вот там. Прямо возле окна, где сейчас твой класс.

Он говорил спокойно, но голос стал другим. Тише.

— Я тут пару лет учился после переезда. Мы с пацанами после уроков под этой берёзой сидели. Курили, болтали всякую ерунду.

Я замерла с картошкой в руке. Костя редко рассказывал о себе. Поэтому я просто слушала.

— А потом её спилили. Сказали, строителям мешает.

Он усмехнулся.

— Теперь тут только асфальт и эти дурацкие ворота.

Я впервые увидела его таким. Не Костю, который всегда знает, что делать. Не «Зверя». Просто человека, который вспоминает дерево из своего детства.

— Мы вообще в Ростове-на-Дону жили, — продолжил он. — Там летом жара под сорок. Зимой сухо, ветер. Не то что здесь.

Я смотрела на него, почти не дыша.

— У нас был двор. Старый, весь в ямах. Но мы там целыми днями пропадали. Футбол, казаки-разбойники, шалаши…

На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Волосы тогда длинные были. Как у всех пацанов.

Я улыбнулась.

— Трудно представить.

— И хорошо.

Он снова посмотрел в окно.

— Потом отцу предложили работу здесь. Мама согласилась. Они думали, что это шанс начать новую жизнь.

Костя помолчал.

— Мне было двенадцать.

Я осторожно спросила:

— Тяжело было?

Он пожал плечами.

Но на этот раз привычной небрежности в жесте не было.

— Сначала очень. Всё чужое. Люди, улицы, даже еда какая-то другая. Я злился на родителей. Мне казалось, они просто взяли и стёрли мою жизнь.

Он замолчал. Снег продолжал падать за стеклом.

— Знаешь, почему мне нравится иногда приезжать к этой школе?

Я покачала головой.

— Здесь я научился выживать.

Он сказал это почти буднично.

— Когда переезжаешь в новый город подростком, быстро понимаешь: либо становишься таким, как все, либо находишь свою дорогу.

Он посмотрел мне в глаза.

— Я выбрал второе.

После этих слов он словно спохватился, что сказал слишком много. Откинулся на спинку сиденья и посмотрел на часы.

— Ладно. Завтрак окончен.

Он разблокировал двери.

— Беги в класс. Через пять минут звонок.

Я не сразу вышла.

— Спасибо за бургеры.

Он кивнул.

— Не благодари.

Я уже взялась за ручку, но остановилась.

— И за Ростов тоже.

Костя посмотрел куда-то мимо меня.

— Просто так получилось.

Я вышла из машины. Снег мягко хрустнул под ногами. БМВ медленно отъехала от ворот, оставляя за собой тонкую цепочку следов, которые тут же начали заполняться свежевыпавшим снегом.

Я осталась стоять во дворе. Мне было тепло от бургеров. От его рассказа. От того, что на несколько минут он действительно открыл передо мной свою дверь. И одновремен-

но одиноко. Потому что дверь уже закрылась. Но я успела заглянуть внутрь.

Глава 19. Борис

Тот вечер я почти не помнила целиком. Он остался отдельными вспышками, между которыми проваливалась тишина. Но один момент я помнила ясно: как мы с Костей лепили снеговика во дворе, когда он привёз меня домой.

Было уже темно. Фонари светили тускло, разливаясь по сугробам неровными жёлтыми пятнами. Снег шёл крупный, тяжёлый. Он ложился на плечи, цеплялся за волосы и таял на ресницах.

Я хотела сразу уйти, спрятаться в подъезде, где тепло и тихо. Но Костя, вместо того чтобы кивнуть на прощание и уехать, вдруг наклонился, зачерпнул снег и скатал первый комок. Его движения были резкими, привычными, будто он делал это тысячу раз.

— Ну что, поможешь или будешь стоять и мёрзнуть?

В голосе не было приказа. Скорее приглашение. Я на секунду замерла. А потом улыбнулась и подошла. Холод пробирался в ботинки, щёки покалывало от мороза, но то напряжение, с которым я прожила весь день, понемногу отпускало.

Мы лепили молча. И эта тишина не требовала слов. Достаточно было толкать снежный шар, отряхивать руки, смеяться, когда очередной комок разваливался, и начинать заново.

Костя катил самый большой шар. Я возилась со средним и упрямо пыталась сделать его ровным. Снег был рыхлым и рассыпался. Я снова и снова поправляла бока.

— Не старайся сделать идеально, — сказал Костя.

Я посмотрела на него.

— Идеальные снеговики только в мультиках бывают. Пусть наш будет кривой. Зато настоящий.

Я усмехнулась. И перестала выравнивать снег. Просто поставила шар сверху. Потом мы вместе водрузили голову — маленькую, немного кривую, зато с характером.

Вместо глаз Костя воткнул угольки, которые нашёл в кармане — видимо, прихватил ещё с какой-то прогулки, словно заранее знал, что они пригодятся. Нос сделали из морковки, которую я вытащила из сумки: купила её днём для салата, но сейчас это было самой правильной судьбой для овоща. А вместо шарфа Костя снял свой — тёмно-серый, колючий, пахнущий морозом и чем-то узнаваемым, только его. Он намотал его на шею снеговика, немного криво, смешно, будто специально.

— Теперь он готов, — сказал Костя и отступил на шаг, оценивая дело рук своих, и в его взгляде было что-то почти детское — гордость за то, что получилось, даже если получилось не так, как на картинке.

Снеговик стоял посреди двора, нелепый, с косо посаженной головой и шарфом, который сползал набок. Но он был наш.

— Надо дать ему имя, — предложила я.

Костя кивнул.

— Пусть будет… Ну, скажем, Борис.

— Борис? — Я рассмеялась. — Почему Борис?

— Выглядит как Борис. Солидный, но с причудами.

И мы стояли рядом, глядя на своего Бориса, и смеялись, и снег падал нам на плечи, и в тот момент всё остальное — обиды, недоговорённости, его вечные «дела», мои страхи — все казалось неважным.

А потом пришла весна. Сначала появились маленькие проталины. Потом асфальт стал мокрым и тёмным. Снег оседал, становился серым, тяжёлым. Ветер больше не резал лицо, а вместо него всё чаще приходил тёплый дождь.

Я смотрела из окна своей комнаты на Бориса. С каждым днём он становился меньше. Сначала набок сползла голова. Потом промок шарф. Угольки-глаза потускнели. А потом от снеговика осталась только бесформенная куча мокрого снега.

Ещё через несколько дней исчезла и она. На асфальте осталась лужа. И одинокая морковка. Я долго смотрела на неё и почему-то улыбалась. Бориса больше не было. Но тот вечер никуда не делся.

Я достала из ящика тот самый шарф — тот, что был на Борисе. Он уже не пах морозом, но в колючей ткани всё ещё осталось что-то от того зимнего вечера.

Я накинула его на плечи, хотя в комнате было тепло, и

улыбнулась, чувствуя, как колючая ткань царапает кожу.

«Борис бы одобрил», — подумала я, и от этой простой мысли на душе стало легче.

Глава 20. Белка

— Кира, ты слышишь? — Ленка трясла меня за плечо прямо в школьном коридоре.

Я очнулась, словно вынырнула из глубины, и улыбнулась подруге — но улыбка получилась не совсем настоящей.

— Слышу! Просто… не могу поверить, что десятый класс закончен! Остался последний год!

Мы стояли у выхода из школы, окружённые толпой одноклассников: кто-то плакал, крепко обнимая учителей; кто-то громко смеялся, снимая всё на телефон. Воздух пах весной и свободой — тем особенным запахом, который бывает только в конце учебного года, когда ты стоишь на пороге чего-то большого и пока не знаешь, каким оно будет.

— Ты уже решила, куда поступать после одиннадцатого? — спросила Лена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.